

АТОМНЫЙ

ГОРОД

Михаил Белозеров

ВОЗМЕЗДИЕ ТЕЛЕНГЕРА

«КРЫЛОВ»

Михаил Белозеров

Возмездие теленгера

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946795

Михаил Белозеров. Возмездие теленгера: ИК "Крылов", ИД "Ленинград";

Санкт-Петербург; 2012

ISBN 978-5-4226-0215-5

Аннотация

После Третьей Мировой войны прошло двенадцать лет. Россия лежит в руинах. Враги уничтожили её комбинированным способом: биологическим и ядерным оружием. Центр погиб. Жизнь едва теплится по окраинам. Казалось бы, страну не возродить, а враги могут торжествовать. Однако в глухой деревушке Теленгеш живет парень по имени Костя, в память которого заложена программа активизации смертоносной системы «мёртвая рука-два». В один прекрасный день Костя начинает действовать. Теперь вся его жизнь сводится к реализации цели: найти и запустить систему «мёртвая рука-два».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	47
Глава 3	94
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Михаил Белозеров

Возмездие теленгера

*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет,
не останется памяти у тех, которые будут после.*

Время любить и время ненавидеть.

Книга проповедника

Глава 1

Трофеи

Вертолет тот летал всегда по одному и тому же маршруту: над Лесом предков, через Оленью падь и перевал Семи братьев, дальше – за Девять холмов красных дьяволов и пропалдал за черными болотами и реками Зыбью и Парашкой.

Рябой подошел к костру, вокруг которого они сидели и пекли картошку, повел чернющими глазами, от которых сердце уходило в пятки, и сказал таким хриплым голосом, что продирало до копчика:

– Так, пацаны... завтра возьмете ДШК¹... – Он помолчал так долго, что все, затаив дыхание, впились в него глазами, а потом, довольный произведенным эффектом, добавил: – Но так, чтобы вернули в целостности и сохранности... и чтобы сами

¹ ДШК – крупнокалиберный станковый пулемет системы Дегтярева – Шпагина.

там голов не положили.

Почему он принял такое решение, так и осталось тайной, быть может, узнал что-то о готовящемся нападении или предчувствовал его. Так или иначе, но время пришло.

– Ура!!! – подскочил худой сутулый Скел и от восторга едва не брякнулся в костер.

Это обсуждалось так долго, в таких подробностях, что они знали, каким маршрутом идти, где расположиться лагерем, кто где спрячется и как стрелять, и вообще, им казалось, что они давным-давно уже сбили этот чертов вертолет, и поэтому целый год дулись на Рябого за то, что он сдерживал их воинственные порывы. «Успеется... – говорил он им с непонятной усмешкой, – молоды еще, молоко на губах не обсохло, хотя у некоторых, я вижу, усы пробиваются. Умирать всегда легко. А надо жить, жить. Слишком мало нас осталось...» И все ему, конечно, безотчетно верили, хотя и рвались в бой даже с людьми-кайманами. Тех же, которые могли что-то возразить, давно не было в живых – пали они смертью храбрых с этими самыми кайманами. Но это было давно, еще до того, как это поколение пацанов оторвалось от материнской груди. Поэтому они и не ведали опасностей и были смелы до беспамятства.

– Ты... ты... ты... – Рябой кругом повел пальцем с обломанным ногтем, словно выбирая себе жертву.

Он пропустил Скела, толстого ленивого Дрюнделя с кисельными мозгами и с румянцем во всю щеку, одетого в на-

стоящую коровью доху, а не в жиденюкую дошку, естественно, Мелкого Беса за его ненадежность и хлипкость даже здорового и сильного, как медведь, но медлительного Телепня², сына рыбака. Он пропустил также Чебота – сына полупопа-полушамана, хотя его взгляд задержался на нем дольше, чем на остальных, пропустил Косого по вполне понятным причинам и наконец ткнул в широкоплечего Костю:

– Ты... – Рябой шумно втянул в себя воздух, как лось на водопое. – Ты, как лучший стрелок, будешь старшим! Головой ответишь, если что! Все, что найдете, притащите сюда. И упаси вас Бог обмануть меня... оторву и выброшу!

И все ему поверили, и даже на мгновение съежились, и втянули головы в плечи, потому что Рябой был скор на расправу и беспощаден, как острый клинок.

– Хорошо, – покорно согласился Костя, смахивая с глаз густой белый чуб и пряча за пазуху книгу, которую читал при свете костра.

Завтра – это значит на рассвете, когда еще петухи не пропоют, когда солнце еще не появится над сопками за деревней. Надо еще привести с поля лошадей и взять кое-что в дорогу да и утрясти все вопросы с приятелями.

Клички к нему не клеились. Его называли то Белым, то Приемшешем, то Сметаной, но у него было такое открытое лицо, непохожее на хитрые, скуластые лица аборигенов, что клички отлетали от него, как горох от стены. Поэтому его ча-

² Телепень – медведь, увалень.

ще всего называли родным именем – Костя. И это было правильно, потому что имя обычно соответствует внутренней сущности человека, а сущность у Кости была под стать его имени, то есть «обладающий непоколебимой справедливостью». И действительно, если Костя говорил, то только правду, даже если это грозило неприятностями, если ему поручали дело, то выполнял его чрезвычайно добросовестно, если о чем-то рассуждал, то знал, о чем рассуждает, а за убеждения готов был биться до смерти, не отступая ни перед кем, – в общем, был он не от мира сего, как святой.

Чебот недовольно покрутил скуластой мордой с приплюснутым, как у боксера, носом и, когда вождь отошел, прошипел недовольным тоном:

– Опять тебе, Приеммыш, повезло... – При этом он потрянул своими черными как смоль волосами и с вызовом посмотрел на него.

Они уже не раз дрались до хрипоты, до синяков, до разбитых носов, но силы были равны, и оба понимали, что вся борьба впереди. Теперь, пока Костя будет старшим, Чеботу, которого на самом деле звали Ремкой Дьяконовым, придется подчиняться, иначе ему грозило иметь дело с Рябым. И хотя Костя жил в деревне Теленгеш сызмальства, он так и не стал своим, и чаще всего его за глаза называли Приеммышем и не знали, гордиться им или нет, поэтому некоторым, а больше всего Чеботу, и было обидно, что атаманом назначили Костю, а не своего, местного.

– Пойдут шестеро, – сказал Костя, избегая напряженного взгляда Чебота, – Скел, Дрюндель, Мелкий Бес, Телепень и Косой.

У Косого левый глаз действительно косил куда-то в небо, и в разговоре с ним казалось, что смотрит он мимо тебя. Становилось немного неприятно, но ты быстро к этому привыкаешь и уже не обращаешь внимания на такую ерунду.

Костя перечислил почти всех, кто сидел у костра, кроме трех малолеток Цапли, Гнома и Чибиса, которым еще и тринадцати не исполнилось, но которых за мзду в виде картошки и сушеной рыбы готовы были терпеть в компании. Малолетки и не протестовали, только, грустно и понимающе вздохнув, принялись выкапывать из золы картошку, от которой уже давно шел пьянящий запах. А печь картошку они умели и любили. Главным было – не класть ее в огонь или на огонь, а закапывать в угли, только тогда она получалась с желтоватой корочкой, чуть солоноватая, с привкусом пепла. И нет ничего вкуснее такой картошки, пожалуй, только хлеб, но с хлебом по весне было туго. Хорошо хоть картошка уродилась, а так хоть караул кричи. Вся деревня сидела на сушеной рыбе и картошке.

– Оставьте с десятков на завтра, – велел Костя. – Костер-то разжигать не дозволено будет.

Все зашевелись, ожили. Принялись обсуждать предстоящий поход – в подробностях, со вкусом, глуповатым хихиканьем и прибаутками. Больше всех шумел сын мельника –

Дрюндель:

– Да я!.. Да мы!..

Он вдруг расщедрился и угостил всех настоящими конфетами, сделанными из сгущенного молока. Костя страшно удивился. Это значило, что кто-то из деревенских расплатился с отцом Дрюнделя за помол банкой сгущенки. Сгущенку можно было взять только на «промысле» Лоухи или, если тебе очень повезло, – в каком-нибудь старом армейском складе, на который ты случайно наткнулся. Последние два года на «промысле» сгущенки не было, не появлялась она, и все тут! А найти старый армейский склад было даже не большой, а громаднейшей удачей. Если же ты «заныкал» склад, утаил от общества, то тебе придется иметь дело не только с атаманом Рябым, но и со всей деревней. Считай, что ты проклят, призовешь ты на свою голову позор и бесчестие, и рано или поздно тебя выгонят за околицу, а это верная смерть. Можно, правда, было уйти в соседнюю деревню Чупа. Так, должно быть, три года назад поступил скорняк Васька Лыткин, неожиданно разбогатевший на дармовых харчах. Так, наверное, поступили Кирюха Авдеев и Евсей Кособоков. Говорили также, что изгнанники живут теперь на далеком хуторе Выселки и трясутся над своим богатством, как царь Кощей над золотом. Но хрен редьки не слаще, потому что та же Чупа потребовала от Васьки Лыткина открыть местонахождение склада. А Кирюха Авдеев и Евсей Кособоков тайно наведывались в Теленгеш и просились у Рябого назад

в деревню. Так что, получилось, жадность вышла боком, себе дороже, надо договариваться со своими, а не бегать по тайге и горам и прятаться в пещерах только ради того, чтобы жить с набитым брюхом.

Где мог находиться этот самый неразграбленный армейский склад, никто не знал. Ходила молва, что все там же – за Девятью холмами красных дьяволов. Но оттуда никто не возвращался, должно быть, из-за того, что армейские склады были невероятно огромными и рядом с ними можно было безбедно существовать хоть всю жизнь. Вот эту идею об Эль-дорадо часто с шумом и обсуждали: сходить туда или нет, и вообще, вопрос ставился ребром – стоит ли доверять взрослым мужикам, которые больше жили за счет «промыслов», несмотря на то что последний год ближайший «промысел» Луохи ничего не давал, кроме старого прогорклого зерна, хотя, разумеется, и этому безумно были рады, и это несмотря на то, что в былые года оттуда привозили и маслице, и консервы опять же мясные, и сальце, посыпанное укропом, пакеты с концентратами, леденцы, вермишель, сахар, сахарин, чай, да много чего вкусного, например консервированные сосиски, пусть просроченные, но их поедали с жадностью, как страшно дорогой деликатес. Вот деревня и под села на дармовщинку, и только наиболее дальновидные упорно сеяли, несмотря на насмешки, свою картошку и рожь да разводили коров, свиней и кур. Теперь же всем аукнулось и все кинулись восстанавливать хозяйство, а время ушло, и голод

стучался в ставни.

– А я?! – вдруг обиженно спросил Чебот, и наступила тишина.

Все посмотрели на Чебота, словно впервые увидели его. Эта кличка к нему приклеилась из-за того, что он с детства носил огромные рыбацкие бродни, в которых, казалось, можно было утонуть с головой. Но постепенно он вырос и они ему стали впору. А еще у Чебота была одна примечательная черта: он никуда никогда не влипал, словно с детства был заговоренным, то есть с ним не происходили те многочисленные истории, которые естественным образом происходили с любым из деревенских пацанов.

Все, как один, повернулись к Косте. Даже о картошке забыли, только разинули свои грязные рты.

– Ну-у-у... – Костя артистично выдержал паузу, давая понять, кто здесь атаман, хотя и временный, тряхнул головой, чтобы убрать с глаз белый чуб, и произнес степенно, подражая Рябому: – если, конечно, захочешь. Насильно не тяну, сам понимаешь, дело опасное... не каждому по плечу...

– Ты... Приемыш... – зло прошипел Чебот, как перед дракой, – гад... много на себя берешь!.. – Не любил он просить у своих врагов. Но затем, бросив взгляд на застывшую команду, сбавил пар: – Вам без меня все равно не справиться.

Это было правдой, потому что даже Костя понимал, что Чебот умеет держать команду в ежовых рукавицах, а это залог успеха, поэтому Костя был уверен, что Рябой одобрил

бы его хитрость.

– Давай возьмем его... – жалобно попросил Телепень, вочая головой на короткой, как у хряка, шее. Вид у него был очень даже зверский: кругломордый, лохматый, глаза глубоко сидящие, дикие, черные как угли, нос картошкой, губы толстые, как у негра. – Давай, чего нам стоит?

«Такого если встретишь в темноте на тропинке, так в штаны и наложишь», – невольно подумал Костя и, вопреки ожиданиям, едва не рассмеялся. Как ни странно, а Ремка ему даже чем-то импонировал, несмотря на то что они дрались при первом же удобном случае. Признавал он за ним силу, но это не значило, что следует перед ним уступать или прогибаться. Речь шла только о военном нейтралитете, о временной коалиции со всеми вытекающими отсюда последствиями, как то: лямки тянуть в одну сторону, бунтов не устраивать и быть лояльным.

А с другой стороны, Костя промолчал не специально, просто подумал, что Чебот может воду замутить, и тогда на самом деле толку от него будет как от козла молока. Мороки только больше – приглядывай да держи ухо востро. Однако и начинать с раскола ему не хотелось. Потом самому же аукнется. В общем, палка о двух концах. И так нехорошо, и так плохо. Третьего не дано.

– Верно, не обойтись... – добавил Дрюндель и едва по привычке не заржал, не задрыгал ногами в стоптанных ботинках, хотя повода, собственно, и не было.

Просто Дрюндель, несмотря на свою толщину, был хохотуном и всегда дрожал от смеха, как кисель. Единственный его недостаток заключался в том, что он был жадноват, как все отпрыски мельника, но к этой его черте характера все уже привыкли и не обращали внимания, хотя порой тот же самый Чебот учил его уму-разуму, таская за нестриженные вихры: «Не скряжничай! Не скряжничай! Делись с народом!.. Делись!.. Делись!..»

Костя вопросительно посмотрел на остальных.

– Я как все, – равнодушно покрутил маленькой головой Скел, он тоже недолюбливал Чебота за то, что тот был сильнее и не упускал случая продемонстрировать превосходство.

– Не против, – сплюнул на песок одетый в худую дошку Косой, который на первый взгляд казался тихим и безответным, а на самом деле с ним никто не связывался, даже Чебот, потому что Косой в драке впадал в неистовство и не контролировал себя.

«Ну, ударь, ударь меня!» – свирепея, заводился он, а потом хватал все, что попадалось под руку, будь то нож, топор или серп, и все в страхе шарахались от него, потому что его могла остановить только смерть. А убивать они по младости лет еще не умели.

– И я... – отозвался Мелкий Бес, словно в подтверждение моргнув белесыми ресницами.

Был он болезненным и хлипким, самым мелким в группе и поэтому искал общества сильных.

– Мы тоже... – последними, степенно, как патриции, ото- звались Телепень и Дрюндель, не упустив случая унижить Че- бота.

– Ладно, – согласился Костя. – Большинство за. – И, уже не обращая внимания на Чебота, сказал, как взрослый: – Всем взять с собой жратвы на трое суток, ну и веревок по- больше. А я захвачу гаечные ключи, инструмент всякий, вдруг пригодятся?

Малолеток отправили за лошадьми, а сами разлеглись у костра, поплотнее закутываясь кто во что был одет. Костя натянул на голову шерстяную «менингитку» и поплотнее за- стегнул куртку, искусно перешитую из армейской шинели. На ногах у него были добротные кирзачи, подбитые медны- ми гвоздями, – подарок на день рождения от Семена Тимо- феевича. В общем, Костя был одет не богато и не бедно, как раз в то, что требуется для сурового северного климата.

Небо над деревней давно стало темным, мрачным, со сто- роны реки наползал холодный туман, а от костра исходи- ло тепло. По мере того как холодало, они незаметно для са- мих себя ближе и ближе придвигались к огню, и всем стало уютно, после того как набили желудок. Говорили, перебивая друг друга, захлеб, хвастались без меры. Ржали, словно ста- до загулявших лошадей. Каждый мечтал втайне раздобыть для деревни вертолетную пушку. Поговаривали, что у сосед- ней деревни Чупа вроде бы есть такая и что к ним теперь не сунутся даже самые отчаянные лихие люди. Их, правда,

при наличии ДШК не очень-то боялись, но с вертолетной пушкой оно как бы надежнее и вернее. Опять же калибр какой! Тридцать миллиметров! А если еще и разрывные или бронебойные, то вообще разговоров нет. Устрашит любого супостата. Дело осталось только за малым – сбить этот дурацкий вертолет, который неразумно летает по одному и тому же маршруту. Только ленивый да глупый не соблазнится. Потом перешли на байки об армейских складах, и Косой мечтательно произнес:

– Говорят, что там есть настоящий летчикский шоколад.

Шоколада, конечно же, никто из них в жизни не пробовал, разве что толстяк Дрюндель. Но неужели он признается, что его отец тайком якшается с изгнанниками? Да ни в жизнь!

– Да что там шоколад... – веско сказал розовощекий Дрюндель и многозначительно закатил глаза. – А ликера не хотите?!

Все замерли и посмотрели на него, как на бога, даже Костя поддался общему гипнозу:

– Какого?..

– Мятного!

– А что это такое?..

– А с чем его едят?..

– А... – потерял кто-то дар речи.

– Деревня... – высокомерно заметил Дрюндель, – простых вещей не знаете. – И тут же, получив по шее от Кости, прижался к земле, как побитый щенок: – Я пошутил!.. Я пошу-

тил!..

Так что они в этот вечер не попробовали ни ликера, ни других крепких напитков, а то вообще не поднялись бы.

* * *

Попробуй тут усни! Они, почувствовав себя взрослыми, скоротали еще с часок, горячо обсуждая, на зависть деревне, последние новости о «промысле». Вроде бы «открылся» новый в окрестностях горы Малая Ишень, но пока оттуда ничего не притащили, а если и притащили, то, несмотря на страх перед Рябым, припрятали на черный день; и разошлись на боковую, когда луна взошла и ярко светила сквозь редкие весенние облака, а поднялись все, как один, конечно, только с первыми петухами. Еще час ушел на сборы, и получилось так, что, сколько ни спешили, а выдвинулись вместе с восходом солнца. В общем, сразу же начали опаздывать.

Атаман Рябой, одетый, как на праздник, в белую рубашку и двубортный черный пиджак с металлическими пуговицами «а-ля битлс», в начищенных до блеска хромовых сапогах, на прощание сказал, неожиданно подобрев:

– Сынок, у тебя будет всего пять секунд. Пять секунд – это очень много! Целая вечность! Ты за это время успеешь выпустить минимум десять пуль. Знаю, что ты все правильно сделаешь, не зря я тебя учил стрелять, но особенно не увлекайся – в Девять холмов красных дьяволов не ходи, кто бы и как бы тебя ни уговаривал, и никого туда не пускай, помни, что оттуда никто не возвращался. Дал бы я тебе взрослого

мужика, да сам понимаешь, все на «промысле» да сеют, одна надежда в жизни на вас и на «промыслы». До урожая еще вон сколько. – Рябой посмотрел на него так, словно хотел что-то добавить, но не добавил, а только махнул рукой.

У Кости сжалось сердце. Сдал старик, жалостливо подумал он. За последний год здорово сдал. Нового атамана надо выбирать! Только не из кого. Где такого возьмешь, как Рябой?

– Все сделаю, Кондратий Александрович! – лихо ответил он с тайным чувством превосходства, которое испытывал ко всем взрослым. – Не волнуйтесь.

Он не понимал этого чувства и не анализировал его, но оно неизменно было с ним, как вторая его натура. А исходило это превосходство от того, что он был молод и ощущал в себе силы, неведомые никому. Был ли это какой-то тайный знак или ощущения нечто большего, он не знал и не осознавал его природы.

– Ну... с Богом! – Рябой вздохнул и перекрестил его.

На крыльце церкви появился отец Чебота Валериан Федорович – простоволосый, пьяный вдрабадан, с большим крестом на животе и с языческим посохом в руке, тоже их перекрестил и запел басом что-то многозначительное, непотребное, а потом вдруг заголосил, как всполошившийся петух, запрыгал, завертелся кругами, подметая длинными лапами рясы пыль с дороги. Бабы с перепугу заохали, заголосили. Деревня высыпала провожать. Шутка ли, вертолет завалить

– это тебе не орехи наколоть к обеду. Верка Пантюхина, дочь кузнеца, с которой у Кости были первые робкие чувства и из-за которой, собственно, они с Чеботом враждовали, проводила их даже за околицу и долго махала ему вслед платочком, оставив в его душе взгляд своих прекрасных карих глаз.

Костя силой заставил себя лишний раз не оглянуться, только махнул приемной матери Ксении Даниловне и поехал, откинувшись назад. Словно бывалый, степенно, как Рябой, он покачивался в седле, чувствуя взгляд Верки. Но характер выдержал, не обернулся, хотя между лопаток так и царапало, так и свербело. Ничего, ничего... – думал он, страдая от собственной же гордости, – вернусь героем и... женюсь. Мысль была неожиданной даже для него самого. А что? Детей вон надо рожать. Мало нас осталось, мало, словно после Армагеддона. Почему мало, он не понимал, народа ведь в деревне полно, но все так думали, и все так говорили вокруг: мало, мол, нас, мало, и баста! Раньше больше было. Куда уж больше?! – удивлялся Костя, хотя все твердили на один и тот же лад, что наступило «время-марь», то есть полный отстой в мире, бессмыслица, тарабарщина, всеобщее помрачение сознания, мгла в душах и сердцах. Мысль о женьтибе и детях появилась у него случайно. Он и думать не думал об этом: «Молод есче!» Но все равно Верка ему очень нравилась, хотя он с ней даже ни разу не целовался.

Мало-помалу звуки деревни стихли, остались позади, только журчала река да скрипели сосны, царапая верхушка-

ми веселое голубое небо. Все сразу же притихли, сделались настороженными и собранными, поглядывали по сторонам, хотя лес-то был свой, родной. Однако последнее время в него ходили с опаской, после того как из деревенского стада пропали три коровы. Нашли только хвост да копыта и заговорили о волках невиданных размеров.

Но постепенно освоились и занялись тем естественным, что умели делать лучше всего, – болтовней, разумеется. Только разведчики впереди – квадратный, как шкаф, Телепень с бабскими пышными плечами и худой, как глиста, Скел – ехали молча. Но им это как бы было положено по уставу. Вслед за ними метров через тридцать – Костя с Мелким Бесом, которого он взялся опекать, потом лошади с грузом и вещами, а уже потом – все остальные. Замыкал колонну страшно недовольный Чебот. Но деваться ему было некуда, разве что с позором вернуться в деревню. После этого Верка Пантюхина на него даже не взглянула бы. Позади слышалось: «Бу-бу-бу, бу-бу-бу...» – и смех толстого Дрюнделя, и хихиканье Косого, и веселые вскрики Телепня. Костя никого не одергивал: во-первых, в лесу посторонних нет, а во-вторых, даже громкое ржанье Дрюнделя разлеталось не больше чем на пятьдесят метров. Лес, как вата, глушил все звуки, даже лошади шли почти беззвучно, ступая по мягкой подстилке из сосновых и еловых игл.

Они еще пару раз останавливались, один раз у реки и второй раз при въезде в Лес предков, подтянули грузы, особен-

но тяжеленную треногу и ДШК, которые весили чуть ли не пятьдесят килограммов. Дальше двигались без остановок, не оглядываясь, все глубже забираясь в лес по наезженной тропе, мимо странных холмов, усыпанных прелыми иголками, мимо зарослей калины и ежевики, мимо ведьминых прогалин, в которых не росла даже трава, мимо мрачных еловых чащоб. Иногда выезжали на поляны, которые одуряюще пахли земляникой, но в основном таились под деревьями, опасаясь все того же вертолета, хотя до его обычного появления было еще ой-е-ей сколько времени.

Этот Лес считался священным – оазис в долине рек Парашка и Зыбь. Дальше на север начинались холодные пустоши, а здесь было полно зверья и рыбы, росли ягоды и грибы, вызревали пшеница и рожь. А отчего – никто не понимал. Лес же вроде бы помогал путнику, и в нем еще ни разу никто не заблудился и не пропал, поэтому они этот Лес любили, ходили сюда за бревнами, грибами, ягодой, травами и смолой для хозяйственных и лечебных нужд. До железной дороги Лес, поросший осиной и березами, был веселым – солнечным, прозрачным, а сразу за насыпью становился смешанным, потому и темнел, и съеживался до размеров взгляда. Косте это почему-то не нравилось, он нервничал, а Мелкий Бес, мигнув растерянно белесыми ресницами, поведал:

– Мне батя не велел геройствовать...

Точно, подумал Костя, смахивая с глаз тяжелый чуб, один он у него. Это я, без роду-племени, делаю что хочу. От этих

мыслей на душе сделалось тяжело, как обычно, когда он вспоминал о погибших родителях. В памяти у него ничего не осталось, кроме их смутного образа: мамы в белом платке на плечах и отца в черной флотской шинели. И чем старше он становился, тем чаще вспоминал их и ту, прошлую жизнь, которая казалась ему чуть ли не райской во всех отношениях. Хорошее у меня было детство, думал он, очень хорошее, но куцее.

Мелкий Бес достал соленого рыбца и принялся с жадностью его пожирать. Костя попросить стеснялся, хотя пахло умопомрачительно. А власть проявлять он не хотел, не тот случай. У самого в кармане лежали две картошины и кусок сала. Во рту от запаха рыбы появилась вязкая слюна. Мелкий Бес смилостивился и протянул плавник с пластинками жирного и прозрачного, как янтарь, мяса. Костя сунул этот кусочек в рот и поехал впереди, чтобы больше не соблазняться.

От полустанка Бобровый остались одни развалины. Сколько Костя себя помнил, полустанок всегда был таким. Все знали, что здесь нечем поживиться, разве что растрескавшимися кирпичами, но все равно с жадностью разглядывали пустые оконные проемы, в которых наверняка когда-то были стекла, и стояли металлические решетки, и даже, наверное, колыхались шторы. Цивилизация, однако! Что это такое, ни у кого не было ни малейшего понятия, хотя все понимали, что вертолет появляется оттуда, из прошлого, из шикарной, безбедной жизни, в которой когда-то все было

просто отлично во всех отношениях, – в общем, из прошлого, которого не вернешь. Каждый холмик вокруг казался им чем-то необычным, притягательным, хотя таких холмиков по пути встречалось великое множество – не погосты и не одинокие могилы, а неизвестно что.

Костя не выдержал, соскочил с лошади и в два прыжка очутился внутри полустанка. Крыша и потолок провалены, доски с полов, как и лаги, сорваны, двери унесены неизвестно кем и когда. Он с жадностью пробежал взглядом по стенам, обнаруживая старые, почти стертые надписи: «Здесь был Громов А. В. 23. 09. 2040 г. 2-батальон, 55-го Белозерского полка», или «Татаринев Леха, командир танка 21-го учебно-танкового батальона, 3-я армия, 2040 г.», или уже совсем поздняя, судя по дате, запись: «Матвеев Александр, командир роты 703 стрелкового полка, май, 2041 г.». После этой даты никаких надписей больше не было, словно история человечества обрывалась именно на этом 2041 году. Из чего можно было сделать вывод, что сопротивление прекратилось именно в то время. Все армии перемололи, с горечью думал Костя, а кто и зачем – неясно. Должно быть, люди-кайманы? Сам Костя никогда их не видел. Говорили, что обычные люди, но с оружием и что они охотятся на таких же людей. Сейчас же 2053 год. Это Костя знал точно. Многие не считали времени, жили от урожая к урожаю, а какой именно год: 51, 52, или 53-й, для них не имело значения. Он же так не думал, ему почему-то было важно знать, какой год и ка-

кой сегодня день. Многие в деревне над ним посмеивались, но многие же и уважали, потому что он умел читать и имел суждения о большинстве вещей. А научился всему этому самостоятельно, никто не помогал и не наставлял. Разве что Семен Тимофеевич одобрительно кивал головой: «Молодец, сынок, молодец...», да еще полусумасшедший старик Генка, который в минуты просветления рассказывал о цивилизации и о разных чудесах. Все считали, что это все пустое, никому не нужное, а Костя слушал с жадностью, запоминая каждое слово и впитывая, как пустыня воду, знания по крупицам.

Он не без сожаления покинул здание полустанка, на стенах которого была запечатлена исчезнувшая жизнь, где, казалось, сам воздух напоминал о ней, и, ловко, в одно касание прыгнув в седло, скомандовал:

– Вперед!

Надо будет сюда как-нибудь наведаться. Может, на чердаке есть что-нибудь интересное? – продолжал думать он. Хотя наверняка здесь все давным-давно перерыто еще до моего появления в деревне.

Отряд снова растянулся по лесу, снова позади слышался беспричинный смех Дрюнделя, снова травили анекдоты про легендарного Василия Ивановича и Петьку с Анкой.

Свою историю Костя знал только со слов приемной матери – Ксении Даниловны и приемного отца, сапожника Семена Тимофеевича. Рассказывали, что нашли его, умирающего, на этом самом полустанке, а как он там оказался, они

толком объяснить не могли.

– Должно быть, ты с поезда сошел, – рассказывал Семен Тимофеевич, вынимая изо рта здоровенную иглу, которую имел привычку совать в рот, пока натирал дратву воском. – В те времена поезда еще ходили.

– А дальше?.. – затаив дыхание, спрашивал Костя.

Уж очень ему хотелось хоть что-нибудь узнать о своей настоящей семье. О таинственных поездах он слышал много раз и видел их, конечно же, на картинках, но воочию – никогда.

– Так... э-э-э... а чего дальше?.. – обычно задумчиво отвечал Семен Тимофеевич, ковыряясь в подметке и поглядывая на него поверх очков добрыми-добрыми глазами, – дальше известно что: годов тебе было семь или восемь. Правда, мать?

– А может, все девять, – соглашалась Ксения Даниловна, высокая, сухая, как мертвая ель.

– Нет, – в этом месте встречал Костя, – я еще в школу не ходил.

И снова обращался в слух – может быть, скажут что-то такое, что связывало его с прошлым, до которого он был очень и очень охоч.

– Значит, все пять, шесть или шесть с половиной, – соглашалась она, вытирая руки о передник и колдуя, как обычно, с драниками. – Большенький был, шустрый и беленький-беленький, как... как... пушица на болоте.

– Точно, – добродушно подтверждал Семен Тимофеевич, – больно шустреньким был, постреленок, едва нас увидел, с криком задал такого стрекача, едва тебя изловили в болоте-то.

– В каком болоте-то?.. – обычно со смехом и с замиранием сердца спрашивал Костя и слушал, слушал с жадностью, ловя каждое слово.

– В каком, в каком? Что за каменной речкой!

Поперек Леса предков действительно лежала каменная морена, черная, как таежная река, не зарастающая ни деревом, ни кустами. Разве что одним лишайником, да и то по краям. За этой каменной пустошью и находилось болото под нехитрым названием Топь. И каждый раз Костя дивился, как он сумел так далеко забраться, потому что для этого требовалось пол-леса пересечь. И вновь испытывал чувство благодарности к своим приемным родителям, которые не бросили его умирать, а проявили терпение и настойчивость в том, чтобы изловить постреленка.

– А что я кричал? – спрашивал Костя и превращался в слух, может, приемные родители что-то такое скажут, что даст ему возможность вспомнить своих настоящих отца и мать.

Тосковал он по ним так сильно, что порой просыпался посреди ночи в слезах и долго вспоминал, как звал их во сне, но никто не отвечал ему и не приходил погладить по бело-брысой голове.

На этом разговоры, собственно, и прекращались. То ли Семен Тимофеевич и Ксения Даниловна чего-то недоговаривали, то ли действительно не знали, что сказать, только на душе у Кости оставалось ощущение большего горя. Так он с этим горем и жил. Никто не знал об этом. Никому он ничего не рассказывал. Да и кому это нужно в деревне-то, где по нынешним временам таких историй по дюжине в каждой семье: кого-то убили люди-кайманы, кто-то пропал без вести, а кто-то ушел в поисках другой жизни, и о нем думали, как о вечно живом, и не считали умершим, но тужили от всей души, как умеет тужить русский человек. В памяти осталось только слово – Москва. А что это такое, Костя не знал. Деревенские ничего толком объяснить не могли. «Москва – это город... большой-большой, столица... – говорили с придыханием, – где-то там... далеко...» – неопределенно отвечали и махали рукой в ту сторону, куда убегала железная дорога. Но за этими словами крылась неизбывная тоска, хотя, конечно, никто в открытую своих чувств не выражал. Вот и выискивал он в книгах это странное название. Серьезных книг в деревне было всего три: толстая засаленная Библия, «Справочник молодого моряка», бог весть какими путями попавший в руки Семену Тимофеевичу, и «Кулинария», которая если кого-то и интересовала, то исключительно с точки зрения экзотических названий яств, потому что в основном питались тремя видами продуктов: страшно дефицитным ржаным хлебом, рыбой и картошкой. Из несерьезных

книг почти в каждом доме были сказки о хоббитах и Властелине Колец. По этим книгам Костя и учился читать, да еще по обрывкам любых печатных изданий, которые находил в деревне. Только с каждым годом их становилось все меньше и меньше. Костя выменивал их правдами и неправдами у односельчан и складывал в большой железный ящик, который прятал под кроватью. Была у него там даже энциклопедия без корочек, начиная с буквы «в». А возил он с собой исключительно «Справочник молодого моряка», который выучил наизусть, потому и знал, что такое мореходная астрономия, лодка и еще много чего, и мечтал о далеком теплом море. Вот и сейчас он достал справочник из-за пазухи и с любовью погладил обложку, на которой были изображены штурвал и компас.

Мелкий Бес с усмешкой посмотрел на него и сказал, вытирая жирные руки о лосевые штаны:

– Все читаешь?..

В этом вопросе крылась вся нехитрая мудрость деревни, ее философия и образ жизни: все, что не имело практического значения, считалось глупым и вредным.

– Читаю... – кивнул Костя, срывая на ходу кисть ранней черемухи. Ягоды были терпко-сладкими и хорошо утоляли голод – старое, проверенное средство.

– А мозги не сушит?

– Не сушит.

– А мне бабка говорила, что сушит, что человек от чтения

слепнет и умирает.

– Не учи дедушку кашлять, и вообще, меньше свою бабушку слушай, – возразил Костя, выплевывая косточки. – Ты в школу когда-нибудь ходил?

– Не-а... а что это такое? – насмешливо спросил Мелкий Бес.

– Я тоже не ходил, – вздохнул Костя, – а школа – это такое место, где учат разным полезным вещам.

О школе он, конечно, слышал от столетнего деда Генки, который жил по соседству и был когда-то учителем истории. Но Костя так до конца и не понял, что такое школа. Помещение, где собираются дети, а учитель им рассказывает всякие премудрости. Это все ясно. А кто же учителя обучил, если умнее его никого нет? Врет, наверное, – недоверчиво думал Костя о деду Генке. – Хотя не похоже, не должен, старый больно, в чем душа держится.

– Тю-ю-ю... – не поверил Мелкий Бес. – Мой отец как хворостину возьмет, как замахнется, сразу научит в два счета.

– А кем он у тебя был в той, прежней жизни?

– А я что, знаю? – удивился Мелкий Бес и захлопал белесыми ресницами. – Может, он ее и не видел, эту прежнюю жизнь, за водкой-то?

– Ну что он умеет?

– Самогонку умеет варить, картошку сажать, – неуверенно принялся перечислять Мелкий Бес. – На охоту может схо-

дять, дров наколоть... а вот еще – вертолет мне в детстве делал с этим, как его...

– С пропеллером, – уточнил Костя.

– Точно.

– Ну вот видишь, – многозначительно произнес Костя, – а говоришь, ничего не умеет. Ты хоть знаешь, как и чем ружье стреляет?

– У нас уже не стреляет, – хмуро пожаловался Мелкий Бес. – Пороха нет.

– А что такое порох?

– А бес его знает?!

Собственно, из-за этой присказки его и назвали Бесом, только мелким, чтобы не путать с папашей, которого называли Большим Бесом из-за размеров и крутого нрава.

– Порох, – нравоучительно сказал Костя, – это такое вещество, которое китайцы изобрели.

– Кто-кто?.. – брезгливо переспросил Мелкий Бес и снова захлопал белесым ресницами.

– Китайцы.

– А где они живут? – Мелкий Бес, дурашливо огляделся, словно ища этих самых китайцев.

– Сам не знаю, – неохотно признался Костя. – Должно быть, очень далеко – в Китае.

– Так как же их порох к нам попал? – с презрением спросил Мелкий Бес, словно подловил Костю на вранье.

На такую дремучесть Костя ничего возразить не мог. Дей-

ствительно, как так получается, что порох изобрели за тридевять земель, а он очутился в самом глухом месте на земле? Было отчего призадуматься.

– Так его ж, наверное, привезли тем самым поездом... – нашелся Костя. – Только по дороге и могли, – догадался он.

Не пароходом же, действительно, потому что ни Парашка, ни Зыбь несудоходны, и не самолетом, и не вертолетом, потому что в деревню сроду ничто не летало.

– Кто? – безмерно удивился Мелкий Бес. – Китайцы?

– Откуда мне знать? Может, и китайцы, я их в глаза не видел.

– Зря тебя атаманом назначили, – вдруг обиделся Мелкий Бес. – Хоть и временно. Врешь ты все и насчет китайцев, и насчет пороха. Вред от тебя один. Не атаман ты, а-а-а...

– Но-но... – предупредил Костя и невольно тронул поводья, чтобы, если что, хватить Мелкого Беса за рукав и привести в чувство.

Но Мелкий Бес не был бы бесом, если бы не среагировал. В мгновение ока его лошадь скакнула на два метра вправо, благо дорожка была широкой, и оттуда он уже поведал:

– А-а-а... порох, да будет тебе известно, из земли выходит, как железо или медь. Места только знать надо. Вот мой батя ходит и находит.

На том их разговор и закончился, считай, ничем. Если впереди все было тихо, то позади то и дело слышался громкий хохот Дрюнделя. Зря я считал Беса слабаком, думал Ко-

стя. Надо бы его при случае прищучить, а то возомнил о себе. На душе же у него сделалось так противно, что он дал себе слово больше друзей не заводить и держать язык за зубами, тем более показывать свою ученость, которая всех раздражала.

К этому времени они уже почти миновали Лес предков, деревья вокруг стали мельче, поредели, а лошади то и дело ступали на камни, которые появились на дороге. Да и сама дорога превратилась из широкой и удобной – в две колеи, выбитые, видать, подводами в каменистой почве. Между колесами то и дело попадались лужи, в которых отражалось голубое небо и жили лягушки и головастики. Справа возник луг, поросший ромашками, а по лугу этому были проложены глубокие борозды, ведущие к невидимой отсюда реке Парашке. Костя часто ломал себе голову: зачем эти борозды и какая от них польза? Ведь не просто же так их люди рыли? И вдруг его только сейчас, когда он увидел все поле, как карту, с этими каналами и грядами камней по периметру, осенило. Так это же осушительная система! Как я раньше не допер? Ему стал ясен гениальный замысел людей, которые жили до него: осушить луг и засеять его. Нет, не зря я книги читаю, не зря. В книгах вся мудрость. Эх, найти бы мне такую, где все тайны мира изложены, я бы за эту книгу полжизни отдал!

Они въехали на поляну, где когда-то располагался хутор. То ли Ярви, то ли Ялкуба, не запомнишь. От хутора того осталось длинное каменное здание без крыши и потолка, но

с монументальными воротами, через которые, должно быть, лошадей водили. В трещинах массивных стен росли огромные березы, а во дворе находился неказистый холмик – баня. Костя еще помнил времена, когда в той бане стоял железный котел. Котел тот местные умельцы давно пустили на поделки, как то: ножи, зубила и прочую мелочь для нужд деревни.

Не разнуждая лошадей, сделали короткий привал. Поели, что бог послал. Толстый Дрюндель, сын мельника, тайком слопал два вареных яйца и заел ржаным хлебом, потом сунулся к общему котлу и урвал черемши с картошкой. Костя не стал одергивать его за жлобство, но решил при случае отыгаться. Многие так подумали, кроме Мелкого Беса, который был другом Дрюнделя и которому перепало от его щедрот: то хлебная корка, то кусок вареной землянухи. Запили ключевой водой и тронулись дальше.

Дорога втянулась в короткую Оленью падь – узкую, как горлышко бутылки, на неприступных стенах которой гнездились орлы, выскочила из нее и стала подниматься в гору. Под ногами струился ручей. Деревья враз поредели, стали мельче и рассыпались кучками по склону. Судя по всему, вертолет должен был появиться часа через три-четыре. Он всегда прилетал в полдень, поэтому-то они и постарались выйти пораньше. Многие пытались узнать: куда же он держит путь, этот вертолет? Да никто не вернулся. Ясно, что за Девять холмов красных дьяволов. А дальше куда? Рябой еще до того, как Костя стал что-либо понимать в устройстве де-

ревенского мира, строго-настрого запретил спускаться за перевал. А вертолет знай себе летал туда, словно по расписанию. Вот и решили его подловить себе на голову.

Подъем занял много времени. Узкая тропинка, которой мало кто пользовался, серпантином петляла до самого неба. Костя уже нервничал. Если вертолет застигнет их на склоне, то лучше и удобнее мишеней не найти – спрятаться негде, а убежать не получится. Некуда убежать. Поэтому он все чаще понукал спутников:

– Давай!.. Давай быстрее!.. – и то и дело озирался по сторонам. «Может, кто-нибудь останется жив, если вовремя замечу?» – думал он.

Толстый Дрюндель уже не веселился. Куда смех улетучился! Лицо у него стало напряженным и все больше и больше вытягивалось, по мере того как лошадь под ним приседала на задних ногах и скользила на мокрой тропе. Да и другие лошади, особенно те, на которых был приторочен груз, боязливо косились в сторону обрыва, прижимали уши и скалились. Не были они привычны к горам, да и откуда здесь большие горы? Разве что перевал Семи братьев. По деревне ходила байка, что еще в достопамятные времена на горе один за одним погибли семь братьев, якобы из-за девушки, которую они всемером любили.

Телепень не выдержал, соскочил на землю и, пыхтя, побежал, держась за заднюю луку седла. И сразу стал тормозить группу и даже удостоился злого окрика Чебота:

– Куда прешь, остолоп?!

Они едва не сцепились. Костя крикнул, привстав в стрелках:

– Все, хватит! На перевале разберетесь! Спешиться!

Он соскочил с лошади и, похлопывая ее по шее и уговаривая, взял под уздцы. Все как-то вдруг успокоилось, и лошади, и люди, и через полчаса ходьбы на своих двоих без происшествий взобрались на перевал. Справа и слева высились скалы, поросшие кочковатой травой и шиповником, а далеко впереди простирался черный пологий склон, несмотря на полдень затянутый плотным туманом. А в тумане таились Девять холмов красных дьяволов. Тропинка дальше не вилась, и бог весть, что на самом деле там было. Может, действительно какие-нибудь дьяволы? А может, ничего и не было. Сказки одни и детские страхи.

Не успели они собрать ДШК и спрятать лошадей в скалах, как услышали звук вертолета.

* * *

Костя передернул затвор, загнал в него патрон и приготовился. Косой, придерживая ленту, ехидно посоветовал:

– Лупи ему в бочару!

– Не учи дедушку кашлять! – огрызнулся Костя. – Встань за скалу!

Вертолет вынырнул из-за перевала, как тюлень из проруби. А может, и не вертолет, а что именно, Костя не понял, не было у него времени разбираться: от страшного ветра и

рева хотелось бежать без оглядки и, как щенку, зарыться в трухлявый пенёк. Костя покрепче уперся пятками в землю, поймал «вертолет» в сеточку прицела и стал ждать, когда тот подставит бок, чтобы самому не попасть под пушку. Таков был план. Хотя, собственно, ждать было недолго. «Вертолет» мгновенно увеличился до таких размеров, что на его борту стали заметны заклепки, и только тогда Костя нажал на гашетку. ДШК затрясся в руках, выплюнул очередь, и пули послушно впились в бок «вертолета», как в пустую бочку: «Бум-бум-бум...» Каждый четвертый патрон был трассирующим, но даже и без трассирующего огня было видно, что пули дырявят металл, но ничего не происходит, то есть «вертолет» не взрывается, не падает и даже не дымит. И только в последний момент, когда казалось, он благополучно минует перевал и скроется на другой его стороне, когда казалось, что момент упущен и все пропало, Костя, заорав как оглашенный, умудрился-таки опустить ствол ДШК, который задирало вбок и вверх, повернуть его вслед «вертолету» и последние три пули всадил в двигатель. Раздался сильный хлопок, словно на реке лопнул километровый затор. «Вертолет» повело в сторону, он принял неестественное положение винтом вниз и в следующее мгновение, прочертив над головой Кости стремительную дугу, исчез из поля зрения. Несколько секунд Костя ничего не соображал. Он вообще решил, что у него оторвало голову, и, даже схватившись за нее, очумело смотрел перед собой пустыми глазами. Сзади вихрем налетела

тел обрадованный Чебот:

– Здорово ты его! Молодец! – И от избытка чувств так ткнул Костю в плечо, что он едва устоял на ногах, зато пришел в себя и обнаружил, что голова его все еще на плечах – только «менингитка» слетела и лежит в камнях.

Все вымелись, чтобы посмотреть, что произошло с «вертолетом». Слышно было, как он, громяхая, как огромное ведро, катится в тумане по склону, налетая на скалы и деревья.

Чебот закричал с перепугу:

– Святые угодники!

– Готовьте веревки! – приказал Костя, глядя в туман и ежесекундно ожидая взрыва.

«Менингитку», чтобы больше не терять, он засунул в карман куртки.

– Рябой запретил туда ходить! – заявил Чебот, хотя ему было явно интересно, что же произошло с «вертолетом».

Все вопросительно уставились на Костю.

– Это правильно, – согласился он. – Но атаман не предполагал, что эта штука скатится вниз.

Сам же подумал: «А куда он должен был скатиться, если на то пошло?»

– К тому же это не вертолет! – веско заметил Чебот, с еще большим любопытством вглядываясь в туман, потому что там все-таки что-то сверкнуло, пару раз грохнуло и даже пришла слабая ударная волна, неся перед собой мелкие

камни и пыль.

– Правильно, не вертолет, – согласился Костя, тоже посмотрев вниз, когда там особенно громко пыхнуло, – но мы же не пойдем за Девять холмов красных дьяволов, правильно? Мы спустимся и посмотрим, вдруг найдем что-то стоящее? А потом вернемся по веревке назад. Что я, не прав что ли?

– Прав... – вздохнул кто-то, но не очень уверенно, с оглядкой на предостережения Рябого.

– Что может быть лучше вертолетной пушки?! – восторженно спросил Мелкий Бес и близоруко сощурил белесые ресницы.

– Не знаю, – пожал широкими плечами Костя. – Она ж как косит? Она ж все вырубает подчистую! Если мы не посмотрим, мы не реализуем упущенную возможность. – Он вззрился на них так же, как обычно дед Генка – с прищуром, в ожидании того, чего он хотел услышать от собеседника.

– А что такое «реализовать упущенную возможность»? – Мелкий Бес так удивился, что глаза у него сделались, как у совы, круглыми, застывшими и немигающими.

В деревне никто так не говорил, в деревне объяснялись проще и яснее – тремя-пятью самыми ходовыми словами, и все всё понимали. Так что надобность в лишних словах сама собой отпадала.

Дрюндель и Косой тоже уставились на Костю, как будто увидели его впервые. Чебот отвернулся, словно ему было все

ясно: «начитался» парень книг. Телепень, как всегда, не понял, о чем разговор, и поэтому никак не отреагировал. Худой и тощий как глиста Скел смотрел с интересом, потирая шею под воротником рубахи, словно ему туда попала еловая иголка.

– Ну... если мы оставим там все, как есть... – Костя ткнул рукой в туман, – что-нибудь, что может оказаться полезным для деревни, то будет еще хуже. Опять же атаман не одобрит и скажет, что мы облажались. А если не скажет, то подумает. После этого нам ничего дельного не доверят.

– Хм... – хмыкнул Телепень и, соображая, почесал затылок. – А ведь он прав... Деревня – это святое!

Чебот помолчал, а потом сказал не очень уверенно:

– Я как все.

На том вроде бы и порешили. Быстренько связали веревки, и Костя произнес, обвязываясь ею:

– Как только дерну три раза, пойдут Чебот и Скел. Только по веревке, и ни шагу в сторону. Остальные ждут. Если что, будете тянуть.

Как это у него выходило командовать, он и сам не знал, однако все слушались, и это было хорошо, потому что самым важным было дело, а не пререкания и споры.

– Кого тянуть?.. – заикаясь, спросил Косой.

– Ну, нас, конечно, – пошутил Костя.

Зря он так пошутил. Косой шутки не понял, только пожегил в своей худой дошке.

– Ага... – тупо согласился он и по привычке посмотрел левым глазом куда-то в небо.

Заметно было, что он не на шутку встревожен. Не ожидал Косой такого поворота событий.

– Я тоже хочу! – вдруг заявил Телепень. – Я самый здоровый! – И в подтверждение этого расправил свою и без того широченную грудь и повел бабскими жирными плечами.

– Вот, самый здоровый, – сказал Костя, – поэтому будешь нас оттуда тянуть, если что... Понял?

– Понял... – нехотя подчинился Телепень.

– Ну и отлично, – сказал Костя и, не задумываясь, шагнул в туман, плотный, вязкий, как кисель, и пропал в нем.

Оставшимся тут же стало не по себе. Косой окончательно потерял мужество, он сделал два шага прочь и едва не заголосил, как бабы в деревне.

– Куда?! – спросили хором Чебот и Телепень, придерживая веревку и отпуская ее по мере того, как она натягивалась. – Помогай лучше!

* * *

Туман был таким густым, что было видно не дальше чем на три метра, и очень странным на вкус. Через некоторое время Костя сообразил, что так, должно быть, пахнет горючее, или что там залито в баки «вертолета». Горючее, конечно, больше нечему пахнуть, решил он.

Почва под ногами была мягкой, податливой – мелкие плоские камешки черного цвета, кое-где пучки обычной тра-

вы. А ведь наверху скалы желтые, думал Костя, странно как-то, и камни тоже должны быть желтыми. Пару раз он явно отклонялся от курса, пока снова не находил следы падения «вертолета»: то кусок алюминия, то оторванную лопасть, то битый плексиглас. И наконец увидел его. «Вертолет» лежал аккуратно в самом конце склона, там, где он переходил в следующий склон Девяти холмов красных дьяволов. Длины веревки только-только и хватило.

Костя снял с себя веревку, привязал ее к оторванному колесу и дернул три раза. Потом взял в руки древнюю «тулку» двенадцатого калибра, которая была единственным их оружием, кроме, конечно, ДШК, и с опаской приблизился к «вертолету».

«Вертолет» лежал на боку, беспомощно подставив к свету голубое брюхо. Таких «вертолетов» Костя прежде не видел. Он привык, что они больше похожи на крокодилов – длинные, горбатые, с пушкой под кабиной пилота. А этот был пузатым, как вздувшаяся рыба, хотя и с вожденной пушкой, от одного взгляда на которую было ясно, что она приведена в негодное состояние, потому что ствол был закручен, как штопор. Салон же был смят тяжелым двигателем. Двери тоже не было, вместо нее зияла дыра. Со свету трудно было разобраться в хаосе, царившем внутри. Костя только разглядел искореженный металл, какие-то зеленые ящики, придавленные крышей, и, не найдя ничего интересного, полез в кабину. И ступил во что-то подозрительно мягкое, а когда от-

дернул ногу, то понял, что это человек, точнее, то, что от него осталось, – кусок мяса и перемолотых костей в обрывках военной формы: десантник. Их было четверо, пристегнутых в креслах и изрешеченных очередью так, словно они побывали в мясорубке. У одного вообще была оторвана голова. Костя невольно поискал глазами и обнаружил ее, зажатую между шпангоутами. Шлем был сорван, и на светлых коротких волосах запеклись сгустки крови. Второй, с тяжелым подбородком и проваленной грудью, показался до жути знакомым. Он каждую ночь являлся Косте в кошмаре со своим безобразным шрамом через левую часть лица и вывернутым, как у дьявола, веком. Только на этот раз веко и глаз были по-настоящему мертвы.

Костю слегка замутило, он подался назад, наружу, но вместо этого очутился в кабине летчиков. Картина здесь была еще хуже. Летчик, который был справа, оказался раздавленным в лепешку, а тот, который висел на ремнях, – командир, тоже был не в лучшем виде: левая рука сломана, и из комбинезона торчала голубовато-розовая кость. Но не это оказалось самым страшным, а то, что летчик, голова которого свесилась набок, вдруг открыл глаза и произнес ровным, спокойным голосом:

– Освободи меня, видишь, меня зажало!

Это уже было чересчур. Костю едва не вырвало. Как в тумане, цепляясь «тулкой» за металл, он сделал два шага прочь и неуклюже прыгнул вниз головой на землю, споткнувшись

перед прыжком. Да и прыжка, собственно, никакого не получилось. Просто он вывалился, как куль с тряпьем, и даже не почувствовал, как ударился о землю.

– Вот это да!.. – услышал он голоса. – Вот это да! – восхищался Чебот, ощупывая бока «вертолета», как перевернутую лодку на берегу. – Вот это да! Вот это да! Святые угодники!

Похоже, от избытка чувств его основательно заклинило. За ним как тень, следовал высокий и сутулый Скел. Они возникли из тумана, словно привидения, и Костя поспешил подняться, вытирая окровавленные руки о скудную траву и черную землю.

– А вот и атаман! – обрадовался Скел. – Нашел что-нибудь?!

Костя постарался придать своему лицу нормальное выражение, хотя его все еще тошнило, и сказал, делая над собой усилие:

– В кабине... там...

Разумеется, если бы он сказал, что летчик живой, а десантник – его знакомый из кошмаров, ему грозило остаться в гордом одиночестве, потому что Чебот и Скел наверняка задали бы стрекача. Но все произошло как-то само собой, и через мгновение Чебот, слазив в кабину, явился, размахивая, как ковбой, двумя пистолетами в желтых кобурах.

– Класс! – заорал Скел, складываясь, как циркуль, и являя миру тощий зад. – Класс!

– Там еще один, – сказал Чебот Косте. – Хочешь, себе

возьми.

– Не хочу, – ответил Костя, чувствуя, как тошнота волнами подкатывает к горлу.

Он подумал, что пистолет придется выковыривать из раздавленного десантника и что в деревне все равно оружие заберет Рябой. И конечно, никуда не полез. Пусть пацаны достают и тешатся на здоровье.

– Жаль, пушку попортило... – деловито рассуждал Чебот, обходя «вертолет» во второй и в третий раз.

За ним, потрясенный его щедростью, неотвязно следовал Скел и с восхищением рассматривал огромный черный пистолет. Он целился из него во все, во что можно было целиться, но стеснялся стрелять. Кобура уже висела у него на животе, и вообще, выглядел он очень глупо, как пятилетний пацан, дорвавшийся до долгожданной игрушки.

Снова в кабину летчиков Костя не сунулся. «Не может быть, – думал он. – Так не бывает. Мне показалось. Тот... со шрамом, и летчик в кабине... Может быть, так туман действует, а может, от недосыпу?» Но в брюхо «вертолета» заглянул и, стараясь не оборачиваться, вытащил помятый железный ящик, на крышке которого черной краской была нанесена интригующая надпись: «Осторожно, оружие».

Внутри ящика, который Костя открыл не без труда, в специальных пазах лежали странные винтовки. Не надо было быть знатоком, чтобы понять, что это не обычные «калаши», распространенные в любой деревне, а что-то диковинное,

тем более что на каждой винтовке было написано маленькими черными буквами: «Плазматрон». Что это такое, Костя не знал, но догадывался. «Оружие, явно неземное, какое же земное, если цивилизация давно кирдык?» – рассуждал он.

– Что это?.. – сунул в ящик лохматую голову Чебот.

В его голосе прозвучали нотки ревности: надо же, Костя нашел что-то более стоящее, чем обыкновенные пистолеты!

– Ха-ха-ха... – радостно отреагировал Скел, – так они ж сломаны!

Действительно, удар шпангоутом пришелся точно поперек невиданного оружия и погнул все три ствола.

– Там еще есть... – сказал Костя, не испытывая ни малейшего желания лезть в «вертолет» в третий раз.

Его соплеменники, однако, движимые жадной наживы, резво нырнули в брюхо «вертолета».

– Да здесь на всех хватит! – радостно заорал Чебот, выкидывая наружу зеленые ящики.

Из трех только один оказался целым, а в двух покореженных осталось всего две неповрежденные винтовки – итого пять штук.

– Ты там никого не видел?.. – осторожно спросил Костя, кивнув на «вертолет» и почему-то ежесекундно ожидая, что из него вот-вот появится летчик без руки, а за ним – человек со шрамом.

– Никого... – Чебот был занят исключительно осмотром оружия.

– Совершенно никого?..

– А-а-а... мертвяки? – на мгновение отвлекся Чебот. – Так это же кайманы! Чего на них глядеть?! – отмахнулся он.

И то правда, с облегчением подумал Костя, значит, мне все привиделось: и человек со шрамом, и летчик. Значит, кайманы. Вот они какие! Совсем как люди, нестрашные.

– Вот это да! Вот это класс! Вот это вещь! – Чебот и так и эдак крутил «плазматроны». – Вот счастья-то привалило!

Скел старался не отставать от него, и к его желтой кобуре добавилась винтовка темно-зеленого цвета и гирлянда круглых плоских обойм. Все остальное они сложили в ящик и, пыхтя, как три толстых слона, поперли наверх. А там у них, заикаясь от страха, спросили:

– А где Косой?..

И тут выяснилось, что Косой пропал.

– Он к вам спустился... – растерянно сообщил Телепень. – Мы думали, он с вами...

– Как к нам?.. – удивился Костя и едва не скатился назад к «вертолету».

– Ну ты же знаешь, Косой малость сдвинутый, чуть что – за нож хватается... – хлопнул носом Телепень.

– Да он, как ваш зов услышал, так и дернул вниз... – ответил Мелкий Бес и заморгал белесыми ресницами.

– Не учи дедушку кашлять... – возразил Костя. – Никого мы не звали, больно надо.

– Не звали, – кивнул Скел. – Скажи им, скажи! – потре-

бывал он у Чебота.

– Не звали, – подтвердил Чебот.

– Значит, почудилось! – испуганно воскликнул Телепень.

– Эхе-хе... – только и вздохнул Костя. – Развели вас, пацаны, как последних лохов.

Правда, он не сказал им кто именно. Он и сам не знал кто, но то, что всех их развели, было очевидно.

Глава 2

Бой в деревне

Сколько они ни кричали, сколько ни стреляли из «тулки», Косой так и не отозвался. Чебот перекрестился и сказал:

– Святые угодники.

Костя еще раз сбегал вниз, но ничего, кроме разбитого «вертолета», не обнаружил: ни доски, ни тела Косого, ни даже того летчика, который попросил его отстегнуть. «Вертолет» оказался пуст. Пропали все десантники, кроме того, у которого была оторвана голова. От «вертолета» в сторону Девяти холмов красных дьяволов вели большие, глубокие следы четырех человек, которые, естественно, никак не могли принадлежать Косому. Костя почувствовал, что его от страха начинает трясти. Трудно было понять, как кайманы при таких ранениях ушли восвояси. По природе вещей этого не могло произойти. Разве только на них были бронежилеты или они вовсе не люди? От этих мыслей брала оторопь. Хотелось оказаться в родной деревне, где тихо и спокойно, где нет этой непонятной угрозы, исходящей от тумана и Девяти холмов красных дьяволов.

Туман сделался еще гуще. Стало видно не дальше вытянутой руки. Костя, как на автопилоте, прошел примерно полсотни метров по следам кайманов. Туман, словно река, тек

вокруг него, завиваясь кольцами, как дым от самокрутки, и в какой-то момент показался Косте почти живым и хищным, со странной, неопределенной целью своего существования. А еще ему показалось, что туман его специально заманивает в ловушку, и стоит сделать еще шаг – и ты попадешь в нее, как муха в варенье. Ему хватило здравого смысла остановиться. Он так и просидел на кочке в прострации, тупо глядя в землю перед собой. Время вдруг стало совсем другим, не таким, как на перевале, оно искажало смысл человеческой жизни, представляя ее завиральной, глупой и ничемной. Другие ценности, непонятные человеческой логике, вдруг стали весомыми и главными. Эти ценности говорили о том, что следует полагаться только на туман и идти дальше и глубже, погружаясь в него, как в свою судьбу, с чем трудно было спорить. Туман очаровывал, пленял воображение, уводил в лабиринт бесконечных рассуждений, где главным оказалась несопоставимость человеческой жизни и будущности человечества. Будущность была безрадостной и тупиковой. Иные существа вышли на арену под названием Земля. А что это были за существа, Костя так и не понял. Он только прикоснулся к этой мысли, как внезапно очнулся, вспомнив, что один пистолет они так и не нашли, а с «тулкой» соваться против боевого оружия было глупо. Так ни с чем и подался назад на перевал, где к нему кинулись с объятьями, потому что считали его уже, как и Косого, погибшим.

– Тебя же не было целые сутки! – кричали они, прыгая

вокруг, как стадо обезьян.

– Не может быть, – отбивался Костя, – я там пробыл всего-то полчаса.

Костя посмотрел на них совершенно другими глазами: ни у кого из них не было будущего, и у него самого тоже.

– Где ты был? – кричали они, размазывая по лицу грязные слезы. – Где?!

– Внизу! – терял он терпение.

– Ничего не знаем! Какие полчаса?! День! Чебот ходил за тобой, но не нашел. Где ты был?! Где?! Мы боимся!

Больше всего они жалели самих себя, а не его или Косого, который пропал бесследно.

– Внизу, где еще?! – отбивался он.

– Не было тебя там! – веско сказал Чебот. – Врешь ты все! И «вертолета» уже нет. Утащил кто-то.

Костя схватился за голову, в которой у него царил полный бардак. Хотел он им всем объяснить, что когда возвращался, то «вертолет» валялся там, где и положено ему валяться, да не стал. Судя по их перепуганным до смерти лицам, они не поверили бы ему, а главное, не поверили бы в тайну, которую он узнал: человечеству кранты, и всем нам тоже, хотя мы еще о чем-то рассуждаем и что-то делаем, но мы уже мертвы. Правда, сказать об этом у него не поворачивался язык. Это и так ощущалось в той жизни, которой жила деревня. Вымирала она, как ни крути. Вместе с деревней вымирало и человечество. Не было у него будущего. Однако постепенно

откровение, которое явилось ему в тумане, поблекло, потеряло остроту, и Костя уже не знал, так ли это на самом деле или нет, и не придумал ли он все это, сидя в отупении на кочке.

Начало стремительно темнеть, и они заночевали среди скал, дрожа то ли от страха, то ли от холода, потому что не догадались захватить с собой дров, да и стоило ли приманивать кого-то из страшного и непонятного тумана?

Ночью со стороны Девяти холмов красных дьяволов раздавались жуткие заунывные звуки, словно кто-то неведомый тягал «вертолет» по скалам туда-сюда, туда-сюда. А утром, едва ветерок разогнал туман на вершине, они, не оглядываясь, почти бегом спустились с перевала Семи братьев и были рады, что унесли ноги целыми и невредимыми. Не радовало ни то, что они сбили «вертолет, ни то, что разжились невиданным оружием и пистолетами в желтых кобурах. Ехали молча, понуро, испуганно озираясь по сторонам и вздрагивая от малейшего шума. Даже вечно веселый Дрюндель с кисельными мозгами, который всегда был готов поржать по поводу и без повода, молчал как в воду опущенный.

Костя не представлял, что скажет Рябому, а тем более – матери Косого. Теперь из деревни выгонят точно, обреченно думал он. А куда податься?.. А Верка?.. А родители?.. Их жаль больше всего. Похоже, так думал не только он один, потому что с ним никто не разговаривал. Впрочем, никто не разговаривал и друг с другом, поэтому Костя зря принимал

все на свой счет.

Лес предков уже казался не родным и хоженным-перехоженным из края в край, а полным шорохов и непонятных звуков. А не доезжая деревенской околицы, они действительно слышали эти самые звуки, только они оказались до ужаса знакомыми. Так могли «стучать» только два «калаша», оставшиеся в деревне, – короткими очередями по два патрона, когда их берегут и считают каждый выстрел.

Первым сдрейфил Скел, а за ним – Мелкий Бес. Даже Тепень поддался панике и развернул лошадь так резко, что едва не свалился на землю. Только их и видали.

У Дрюнделя задрожали щеки, а на глазах заблестели слезы. Он больше других боялся опозориться. Но и вояка, однако ж, был из него аховый. И действительно, кто мог напасть на деревню – только люди-кайманы, о которых столько говорили, но ни разу не видели. А как с ними воевать, если ты их боишься до смерти? И напали они, словно точно зная о том, что в деревне нет ДШК.

Костя спрыгнул с лошади, выхватил из ящика, который был привязан к одной из грузовых лошадей, «плазматрон», приладил к нему обойму. Она села на место с мягким чмокающим звуком, словно присосалась.

– Держи! – Он кинул «плазматрон» Чеботу. – И ты тоже! – Следующий «плазматрон» оказался в руках Дрюнделя. – Да не бойся! – крикнул Костя, заряжая «плазматрон» для себя. – Будешь прикрывать тылы за околицей. Дальше не суй-

ся! Понял?!

– Понял... – простонал Дрюндель. – А как стрелять-то?..

– Как из ружья... – бросил Костя на ходу, когда они уже с Чеботом бежали к углу поскотины. Дальше за ней виднелся угол хлева.

Они прокрались с наружной стороны забора, потому что он был единственным прикрытием на расстоянии трехсот метров до первых домов. За этими домами косо высились деревенские ворота и маковка церкви, а перед церковью находилась площадь. Там-то и шел бой, и «калаши» отбивались уже не двойными, а одиночными выстрелами: «Ту-ту, ту, ту, ту...» Враг, должно быть, уже праздновал победу, потому что сыпал в ответ длинными очередями: «Та-та-та... та-та-та...», загоняя защитников деревни в угол между лесом и рекой Зыбью. Эх, надо было все-таки ДШК взять, подумал Костя, с недоверием сжимая в руках «плазматрон», сейчас как пальнули бы, сразу стало бы ясно, кто здесь хозяин. После ДШК сухие выстрелы автоматов казались ему игрушечными, ненастоящими. Еще неизвестно, как эта штука себя покажет, Костя с сомнением посматривал на «плазматрон». Эх!.. На душе стало горько и безрадостно. Все катилось под горку: Косой, «вертолет»...

Это была последняя его здравая мысль, потому что все последующее произошло так быстро, что времени думать вообще не осталось.

Перед первыми домами, от которых тянуло дымом, Чебот

метнулся влево через дорогу и сразу пропал из вида. Костя утопил на «плазматроне» единственную кнопку на панели, и сбоку высветился длинный индикатор зеленого цвета, и никаких тебе затворов, предохранителей и отсекаелей очереди, что, впрочем, не добавило странному оружию уважения. Он добежал до дома тетки Зиминой, к которой Ксения Даниловна порой посылала его то за солью, то за спичками и у которой муж дольше всех пропадал на «промысле» Лоухи, а сейчас, говорят, подался еще дальше на север, будто бы там новый «промысел» «открылся». А как те «промыслы» выглядят, Костя даже не мог себе представить. У Зиминой даже огорода приличного не было, потому что они жили с «промыслов».

Путаясь в молодых побегах крапивы и не обращая внимания на ее ожоги, Костя прокрался огородами на звуки выстрелов и выглянул из-за забора. То, что он увидел, поразило его больше всего. Прямо в грядках лука тетки Зиминой стоял самый настоящий бронетранспортер с огромными колесами, с тросом, изогнувшимся, как змея, на борту, с фарами и двумя распахнутыми лючками. Костя даже немного растерялся, потому что не знал, как воевать с таким чудовищем. Он застыл, зачарованно глядя на заляпанный грязью бок. Самым большим механизмом в деревне были два полуразобранных гусеничных трактора. Разобрали их потому, что горючее было даже не на вес золота, а дороже человеческой жизни. Эти два трактора казались Косте вершиной

человеческого гения. Он не единожды пытался понять, как они должны работать, откручивая всякие медные трубочки, поэтому и пялился сейчас на бронетранспортер, как на диковинку, пока наверху снова не раздалась длинная пулеметная очередь: «Та-та-та... та-та-та...» Только тогда он разглядел того, кто стрелял. Стрелок, не жалея патронов, бил из ручника вдоль единственной улицы деревни, а оттуда ближе к лесу ему отвечал всего лишь один «калаш». Пару раз над головой просвистели горячие пули. Тогда Костя неуверенно поднял «плазматрон» и, прицелившись в стрелка, нажал на гашетку и даже не понял, что выстрелил: отдачи не было, не было самого момента выстрела, которое обычно есть у ружья или винтовки, а здесь – нажал, и все: ни инерции, ни паузы, просто плазма ударила с шипением быстрее молнии, и от врага во все стороны брызнули зеленоватые искры, а потом возникло ударное облако такого же цвета, на миг озарив огород, забор и дом напротив. А еще запахло, как во время грозы. Костя растерянно опустил «плазматрон».

Ему хватило ума не остаться на месте, чтобы разглядеть результат своего выстрела, хотя он понял, что стрелявшего отбросило на край люка, а рвануть еще дальше, за следующий дом. И тут же в него начали стрелять с противоположной стороны церковной площади, и щепки, отлетевшие от дома Коровиных, оцарапали ему ухо. Впрочем, стреляли недолго: когда он обежал дом и высунулся из-за него, стрельба прекратилась. Кто-то завыл страшно, на высокой ноте, и

Косте захотелось зажать уши и ткнуться головой в землю. Вой оборвался так же внезапно, как и начался. Надо было что-то делать, потому что наступила звенящая тишина. Костя некоторое время прислушивался, потом ясно различил топот. Бежали по улице к бронетранспортеру, да так быстро, что Костя успел заметить только тень, а еще в него выстрелили – не прицельно, а чтобы испугать. Он послушно рухнул на колени и даже закрыл руками голову, решив, что это не самое лучшее впечатление в жизни. Из оцепенения его вывел громкий звук двигателя бронетранспортера. Что-то затрещало. Дом тетки Зиминой покачнулся, из окон полетели остатки стекол. Костя, сжимая в руках «плазматрон», побежал, сам не зная зачем, вперед. Бронетранспортер, разваливая заборы, выбирался из деревни. Он уже пылил на околице, когда Костя выскочил на дорогу. Из-за волнения и бега он чуть-чуть запыхался. Вот когда ему пригодился опыт стрельбы из «калаша». Бронетранспортер несся к реке. Костя поймал его на мушку и, по привычке выдохнув воздух, нажал на гашетку. Первый выстрел получился неточным, поверх башенки: тонкий зеленый луч протянулся дальше реки и растаял в воздухе. Быть может, он даже зацепил башенку, но это никак не отразилось на скорости бронетранспортера. Тогда он взял прицел чуть ниже, и теперь уже спокойнее и увереннее выстрелил еще раз, и еще, и еще и попал в ходовую часть. От бронетранспортера во все стороны брызнули уже знакомые зеленоватые искры. Он еще катился по инер-

ции, но уже было ясно, что собственного хода он не имеет. А когда на изгибе дороги, вместо того чтобы повернуть вправо, он ткнулся в сосну, Костя вовсе обрадовался и понесся к нему. От бронетранспортера поднимался черный дымок. Костя стал забирать чуть вправо, за изгиб дороги, чтобы хорошо все видеть. Человек-кайман тенью метнулся к лесу. Костя побежал за ним, с каждым мгновением чувствуя, что тот уходит огромными, словно волк, прыжками. Он сгоряча выстрелил на ходу – раз, другой, но не успевал взять каймана на мушку и понял, что оба раза промазал. В отличие от «калаша», «плазматрон» не бил очередями, и это было его существенным недостатком. И когда уже казалось что человек-кайман вот-вот скроется под соснами, сбоку в его сторону хлестанул зеленый луч и кайман упал. Так это ж Дрюндель! – обрадовался Костя, подбегая к убитому.

Человек-кайман лежал, раскинув руки. На правой лопатке у него отчетливо расплывалось красное пятно. От одежды шел легкий неприятный дымок. Пахло так, словно осмолили свинью. Входное отверстие было крохотным, как от «мелкашки». Было даже несколько странным, что такой могучий человек умер от такого крохотного отверстия. Дрюндель подскочил и заорал как сумасшедший:

– Это я его завалил! Я! Я! Я!

Он принялся отплясывать какой-то нелепый танец.

– Молодец! – снисходительно похвалил Костя, чувствуя, как возбуждение от боя оставляет его. – А говорил, стрелять

не умеешь.

– Так-к-к... – захлебнулся восторгом Дрюндель. – Это ж я его специально караулил! – снова заорал он и снова стал плясать, как какой-то чучмек. – План такой был! План! Надо сказать – гениальный! Опа-опа-опа...

Румянец у него на щеках сиял ярче обычного. Пахло от Дрюнделя подозрительно. Коленки на молескиновых штанах и коровья доха на животе у него были вымазаны в грязи. Ясно было, что Дрюндель тщательно прятался в канаве, в которую стекала вода с поскотины. Но ведь подстрелил же все-таки, снисходительно подумал Костя, значит, преодолел страх.

– Ну ладно, ладно, – согласился он. – Пусть будет гениальный, – и решил, что за такой подвиг следует простить слабость Дрюнделя, с кем не бывает.

– Ты ведь никому не скажешь? – вдруг перешел на шепот Дрюндель, проникновенно заглядывая к глаза Косте. – Никому?..

Ясно было, что Дрюндель всей душой хочет оправдаться в его глазах. А по сравнению со Скелом, Мелким Бесом и Теплем он вообще выглядел былинным героем. Однако вместе с этим он невольно повесил на Костю обязательство договариваться с Чеботом, чтобы никто в деревне не узнал о его промашке и чтобы все считали его героем.

– Не учи дедушку кашлять, – равнодушно ответил Костя, невольно отворачивая лицо, чтобы не чувствовать вонь, исходившую от Дрюнделя. – А где остальные?

– Не знаю... – оглянулся на околицу Дрюндель; лицо у него вытянулось, а румянец на щеках разлился еще больше.

Подбежал, запыхавшись, Рябой с «калашом», который тащил за ремень по земле. Левая рука висела у него, как плеть. Кровь капала на землю.

– Ах сволочь! Сволочь! – Пнул несколько раз труп. – Главным у них был, хорошо стрелял. Жаль, что готов! Ах жаль, надо было, конечно, узнать, кто они такие и почему напали на деревню.

Рябой поддел носком сапога каймана и перевернул на спину. Костя отшатнулся, потому что словно увидел свои ночные кошмары. Невероятно, но это был тот самый десантник из «вертолета», его нельзя было ни с кем спутать по тяжелому подбородку и шраму на лице.

– Что, знакомая личность? – спросил Рябой, приседая и одной рукой обыскивая труп, на груди которого, слева, было такое же крохотное отверстие, как и на спине.

Он отстегнул и снял с него разгрузку, в которой были три обоймы, парочка гранат и нож черного цвета с зацепом под руку. Костя пожалел, что не догадался так сделать, глядишь, и нож стал бы его собственностью.

– Даже сам не знаю... – с опаской отозвался Костя. – Мне кажется, он был в «вертолете».

– Что? – Рябой нахмурился и посмотрел на Костю снизу вверх. Вид у него был ужасный: осунувшееся лицо с синяками под глазами. Губы злые, кривятся. – Значит, это из-за

«вертолета». Эх, надо было мне самому идти с вами, чтобы разобраться! Эх, надо было! Знал бы, где упадешь, соломки подстелил бы. Но все равно, ребятки, вы молодцы. Вы даже не представляете, какие вы молодцы!

Правда, сказал он это таким тоном, от которого у Кости на душе легче не стало, потому что Рябой еще не знал о Косом.

– Кондратий Александрович, мне кажется, я видел его раньше.

– Где? – Рябой поднялся. – А от кого это так воняет?

– Не знаю... – сказал Костя.

Дрюндель брезгливо понюхал собственную руку, отступил по ветру и постарался сделаться незаметнее.

– Да нет же, воняет, как в хлеву. – Рябой с подозрением посмотрел на Дрюнделя, но ничего не сказал.

Левая кисть руки у него, словно в перчатке, была в крови. В густых цыганских волосах тоже запеклась кровь. А двубортный черный пиджак с металлическими пуговицами «алля битлс» был выпачкан в земле и во все той же крови.

– Мне кажется... – сказал Костя, как обычно, робея перед атаманом, – это связано с поездом, на котором я сюда попал.

– С поездом, говоришь?.. А что ты можешь помнить, ты же мальцом был? – спросил Рябой. – Тебе ж было пять лет. Даже я этого поезда не помню.

Эх, не главное это сейчас, не главное, понял Костя. Главное, что деревню отбили. А что было десять-двенадцать лет назад, никого не волнует.

– Я знал, что вы мне не поверите, – сказал Костя, – но это он.

– Ты представляешь хоть, сколько лет прошло? – словно не услышал его Рябой.

– Представляю... – уныло ответил Костя. – Вам бы руку перевязать...

– Рука – это ерунда... людей потеряли. Зверова Василия и Лукина Андрюху. Хорошие мужики были.

Костя знал их плохо. Мужики как мужики, пахали и сеяли, к пацанам не вязались, лишний раз уму-разуму не учили. Нормальные мужики, старые только, даже на «промыслы» не ходили. Зато он сразу вспомнил, чем закончилась их собственная экспедиция. На время боя забыл, а теперь вспомнил и приуныл пуще прежнего.

– Кондратий Александрович... – произнес он кающимся голосом.

Рябой мимоходом взглянул на него:

– Да знаю, знаю... Все знаю... – Он, скорчившись, согнул раненую руку, прижал ее к телу и стал нянчить, как маленького ребенка.

– Откуда? – удивился Костя, стараясь на смотреть на чужую кровь. Не привык он к виду крови. Плохо ему становилось от нее.

– Донесли уже. Прямой вины твоей нет, я понимаю. Но ты, как временный атаман, должен был все предусмотреть. Однако ж... надо было мне с вами идти. А с другой стороны,

деревню перебили бы одним махом, так что ты ко времени подоспел. Да, коряво все сложилось. Здесь и моя вина тоже есть. Может, Павел Косой еще выйдет на деревню? – предположил он.

– Не знаю... – потупился Костя.

Рябой внимательно посмотрел на Костю своими чернющими глазами, словно проник в душу, и сказал:

– Тогда бы дело поправимо...

Косого действительно звали Павлом. И хотя атаман говорил нормальные, понятные вещи, Костя стал испытывать к нему прежнее чувство страха, словно Рябой знал нечто большее, но не хотел делиться. Взрослые всегда так, невольно подумал он, непонятные они. Наверное, когда-то и я таким же стану.

– Ну а кто это тогда, – спросил он, набравшись храбрости, – если не кайман?

За такой вопрос можно было заработать по шее, но ему очень и очень хотелось докопаться до истины и, быть может, понять, откуда он вообще появился в деревне. Ему казалось, что это каким-то образом связано с откровением в тумане.

– Да мало ли людей со шрамами? – веско сказал атаман, мол, сказки все это для детей, а реальность, она иная. – Показалось. Не бери в голову. Сейчас наши приедут на подводе, утащим.

– А может, его здесь закопать? – еще больше осмелел Костя.

Из могилы-то он точно не сбежит, суеверно подумал он. Земля если забирает, то уже не отдает. Так все говорят, даже отец Валериан Федорович. Но Рябой решил по-своему:

– Нет, надо вначале разобраться, кто это такие. Может, действительно кайманы, а может, из какой деревни бандитствуют или вообще пришлые? Тогда дело дрянь. Кабы снова охота на людей не началась, – высказал он все свои опасения и с подозрением посмотрел на Лес предков.

В этом вопросе Костя помочь ничем не мог. Если уж атаман боится, то всем остальным сам бог велел.

Охота на людей закончилась еще до его появления в деревне. Быть может, деревню спасло то, что она стояла на задворках цивилизации и кормилась от леса и за счет леса, который когда-то рубили и вывозили за границу. Теперь даже те давние вырубки стали такими же дремучими, как и старый лес, отличить нельзя, и зверья в нем прибавилось, и непоняток всяких тоже.

– Так я же говорю, я его видел в «вертолете», – уже совсем обнаглел Костя.

К его облегчению, атаман не возмутился, хотя, разумеется, следовало поставить Костю на место.

– Свежо предание, но верится с трудом, – равнодушно ответил он. – Возьми оружие и пошли.

Костя понял, что атаман ему ни на грош не поверил.

Возле деревенских ворот, попорченных бронетранспортером, их встретили селяне. Женщины запричитали, заохали

и принялись тут же на крыльце церкви перевязывать Рябого. Костю оттеснили, затерли в толпе, едва выбрался. Что делать?

Подбежал возбужденный Чебот, выпалил:

– Святые угодники! А я одного гада все-таки завалил!

Костя посмотрел на него и позавидовал. Твердым был Ремка буквально во всем, в том числе и по отношению к своим врагам, не испытывал он ни душевного волнения, ни сомнений. Хорошо, должно быть, ему живется, вздохнул Костя, а меня все время мысли гложут, и я часто не знаю, как правильно поступать.

– Я гляжу, ты тоже парень не промах. – Чебот из-под руки посмотрел, как бабы и пацаны тушат горящий бронетранспортер. – Здорово ты его подбил. Жалко, что вчистую, ездить нельзя.

Костя хотел сказать, что не виноват, что по-другому вряд ли получилось бы, да не стал, уж очень возбужденным был Чебот. Не хотелось его разочаровывать. Пусть думает, что я хороший стрелок, что лучше меня в деревне нет.

– Ничего, мы его здесь поставим на площади и из пулеметов, если что, будем шуровать. Твой нож?

Разумеется, внимание Чебота привлек необычный нож, торчащий из разгрузки. Глаза его загорелись еще ярче.

– Нет, – ответил Костя, – атамана.

– Айда за подводой, мертвяков надо свозить, – сказал Чебот, не отрывая взгляда от ножа.

Рукоять у ножа действительно была сделана с изяществом, а зацеп невольно привлекал внимание. Такой зацеп нужен был, чтобы рука никогда не соскальзывала с рукояти.

– Погоди... – ответил Костя и попытался пробиться к атаману, и не только для того, чтобы отдать разгрузку и «плазматрон», но и чтобы еще раз высказать свои опасения.

Ведь получалось, что мертвяки из «вертолета» ожили и ушли! А это противоречит здравому смыслу, нарушает всякую логику и вообще ставит мозги набекрень. Может, атаман объяснит? С другой стороны, вдруг они просто ранеными были, – подумал Костя, – пусть даже и тяжело, а я тень на плетень навожу. Его, как всегда, одолели сомнения. Он принялся обдумывать варианты событий. Надо ли напоминать Рябому? Может, он прав, а я нет? Может, я глупости несу? Еще на смех поднимет перед всеми. Срамоты не оберешься!

Так и не пробился он к атаману, вокруг которого собралась такая плотная толпа. Все требовали от Рябого объяснений, к тому же бабы-знахарки взяли его в такой оборот со своим лечением, что Косте дурно стало. Боялся он крови и всяких знахарских штук. Потом, подумал он, потом, когда атамана заштопают и перевяжут, поговорю с ним, выясню все вопросы, которые меня мучают.

Хотел он Чеботу пожаловаться, что, кажется, вспомнил, откуда он знает человека со шрамом, да не решился. Не тот человек Чебот, чтобы перед ним исповедоваться. Тут еще с причитаниями налетела Ксения Даниловна, обхватила голо-

ву, прижала к сухой груди да так и застыла в своем безутешном горе.

– Что ж ты, сынок, делаешь со мной?.. – спросила она навзрыд, и Костя ощутил, как у нее в груди что-то оборвалось. – Я ж чуть с ума не сошла. Все глаза выплакала. Пойдем домой, пойдем... – Она отстранила его и посмотрела ему в глаза. – Отец заждался.

– Пойдемте, мама, – ответил Костя. – Я только Ремке помогу мертвяков собрать и тут же приду.

Ксения Даниловна посмотрела на него с укором, в котором крылась и ее безмерная любовь, и страх за него, и надежда на будущую прекрасную жизнь, и с болью вздохнула:

– Ну иди, иди, сынок, помогай. Потом приходи, я тебе щей с курицей наготовила. Хороших щей, вкусных, наваристых... как ты любишь, с кислой капустой и еще кое-что приготовлю, что ты любишь...

– Обязательно приду, мама, вы не беспокойтесь. Я сейчас здесь... и...

Во всей этой суете он как-то забыл о Верке Пантюхиной, а когда вспомнил, то, как нарочно, увидел ее, стоящую чуть в стороне от церкви и суетящейся толпы. Хотел подойти, чтобы перемолвиться словом, да застеснялся непонятно почему. Может, она не меня ждет? – подумал он. Может, ее мать за бинтами послала? А может, я ей не приглянулся? Подсознательно он понимал, что это глупые отговорки, что Верка пришла именно из-за него, и стоит, и теребит косу, и ждет,

когда он к ней подойдет. Но ему нужен был какой-то толчок, хотя бы знак с ее стороны, чтобы не нарваться на грубость и не выглядеть дураком. Хотя какой он дурак? Почти герой. Вот как на меня смотрят, гордо думал он, краем глаза ловя на себе любопытные взгляды односельчан. Подойти или нет? А если подойти, то что сказать? Или ничего не говорить, а просто помолчать? Он готов был уже решиться, и сердце его яростно забилося, но в этот момент подкатил Чебот на телеге:

– Пру-у-у... Давай быстрее, я уже ледник раскрыл...

Момент был упущен. Костя прыгнул на подводу, положил рядом разгрузку, и они покатали. Чебот рассказал:

– Я сам перетрухнул. Первый раз в бою-то. А ты молодец! Я бы так не сумел.

– Чего не сумел? – машинально спросил Костя, все еще думая о дочке кузнеца. Красивая она, таких нет больше.

Но то ли Чебот его не расслышал за грохотом и дребезжанием телеги, то ли не счел нужным объяснить свою мысль, но добавил совсем о другом.

– Я чего через дорогу-то сиганул?.. – засмеялся он, обнажая белые зубы.

Костя посмотрел на него и спросил:

– Чего?.. – в мыслях у него все еще была Верка Пантюхина, и сердце все еще билось в груди, как птица в клетке.

Какие у нее волосы, – думал он, – а какие глаза! А как она говорит... Он едва не предался воспоминаниям об их

редких встречах, которые помнил все до одной: и у околицы, и на крыльце ее дома, когда он проходил мимо, и у ледника, в очереди за рыбой. И каждый раз сердце вот так билось. Чебот между тем вдохновенно хвастался:

– Я ж того мужичка сразу приметил, он Клима Данилыча в Тришкины огороды загнал и головы не давал поднять. Вот как! Если бы не я...

Клим Данилович Субботин был столяром и мастером на все руки. Ставил избы и клал печи, а еще ровнял заборы и латал крыши. А Тришка Кузьмин – никчемный мужичок, пьяница и бездельник, был его соседом. Огородов не копал, а все, что добывал на «промыслах», пропивал и прогуливал. Но в том-то и оказался смысл, что его безалаберность сослужила Субботину хорошую службу. Огород-то у Тришки был заросшим, как дикое поле, с какими-то буграми и канавами, чуть ли не с буераками. Вот эти буераки и сберегли Субботину жизнь, иначе деревня в одночасье лишилась бы первоклассного плотника.

– Выскочил Клима Данилыч в одном белье, залег в траве и только и делает, что палит из двустволки и позицию меняет. А мужичку, который на него нарвался, тоже деваться некуда. Не может же он у себя в тылу вооруженного человека оставить.

– Верно, – поддакнул Костя, слушая, как соловьем заливается Чебот. – Ну да, ну да... – А сам все еще думал о Верке. Вот бы ее поцеловать! Так ведь не позволит же, как пить

дать не позволит.

– Я, конечно, тоже не дурак...

Впервые Чебот разговаривал с Костей нормальным языком, а не, как обычно, с подковырками и ехидным тоном, мол, «ты ниже меня и не лезь вперед».

– Пока тот мужичок возился с Климом Данилычем, я сзади подкрался и как врезал ему по кумполу! Хи-хи!

– Погоди, погоди... – словно очнулся Костя, – а почему по кумполу-то?

Чебот посмотрел на Костю с непонятым любопытством и признался:

– Да понимаешь, – шмыгнул носом для оправдания, – я вначале не разобрался, как эта штука стреляет...

– Бывает! – согласился с его находчивостью Костя, постепенно втягиваясь в разговор. – А потом?

– А потом что? Потом, – похвастался Чебот, – пока ты за бронетранспортером гонялся, мы втроем четвертого завалили.

– Что, был и четвертый? – удивился Костя.

– Ну а как же? С другой стороны деревни лежит. Мы вначале твоего возьмем, а потом за тем поедем.

– Он не мой, – признался Костя. – Его Дрюндель завалил.

– Ух ты! – воскликнул пораженный Чебот и даже остановил лошадь: – Пру-у-у... – Повернулся к Косте и все тем же тоном добавил: – Молодец пацан! Ха-ха... А где остальные?

– Почем я знаю? – сварливо ответил Костя и подумал,

что теперь пацанам достанется на орехи. – В лесу, должно быть...

Злости у него к ним не было, но и жалеть он их не собирался. Взрослеть в нашем мире надо быстро, ох как быстро. Здоровенный Телепень опозорился на всю жизнь. С остальных взятки гладки, они как бы неоперившиеся пацаны еще. А Телепень за версту заметен. Теперь деревня год будет злословить, а потом еще три года вспоминать, и до конца жизни к нему приклеится какая-нибудь злая кличка, типа «слабак» или «дохляк». Получается, что Телепню не позавидуешь. Девки на него теперь даже не глянут, а родители позора не оберутся, и каждый уважающий себя человек, покупая рыбу у отца Телепня, ехидно будет спрашивать: «А как твой сынок поживает?.. Кто ему сопلي-то вытирает и портки поддергивает?..»

– В штаны наложили, – желчно констатировал Чебот и в задумчивости посмотрел на некогда веселый лес, над которым голубело весеннее небо и плыли белые, легкие облака. – Пошла! – Он дернул вожжи.

Они проскочили мимо бронетранспортера, который караулил Тришка, не давая детворе забраться внутрь и растащить все то, что там было ценного. Рябой, несмотря на ранение и суету, постарался, с теплотой подумал Костя. Толковый у нас атаман, зря я решил, что его пора списывать. Пусть еще послужит на благо деревне.

Дрюндель ходил вокруг убитого, как неприкаянный, и

страдал. На его лице были написаны страх и отчаяние. Однако кое-что он подчистил: с руки убитого пропали часы, которых не заметил Рябой и на которые Костя тоже имел виды, но правда была на стороне Дрюнделя: как ни крути, а это его трофей. «Пусть пользуется, – великодушно решил Костя, – мне не жалко». – И промолчал, ничего не сказал Чеботу. Да и зачем в деревне часы-то? Разве что петухов будить?

– Где вы ходите?! – рванулся Дрюндель навстречу. – Я здесь уже напужался до смерти!

– Не бзди, вояка, – весело крикнул Чебот, привставая и с любопытством оглядывая убитого, – мертвые не кусаются. Говоришь, твой? Ты завалил?!

– Я, – гордо ответил Дрюндель и выпятил грудь, не чуя подвоха. Лицо его расплылось в самодовольной улыбке. – А кто еще?! – Он с важностью посмотрел на Костю, ожидая от него поддержки, но Костя промолчал, потому что, на его взгляд, Дрюндель не нуждался в ней.

– Тогда и грузи! – приказал Чебот, сплюнув и равнодушно усаживаясь на место, но даже по ушам его было видно, какой он молодец и какой Дрюндель тряпка, хотя и убил каймана одним выстрелом. С помощью «плазматрона» это может любой дурак сделать, а ты попробуй голыми руками!

Дрюндель уставился на него, словно проглотил лягушку, потом посмотрел на убитого, и на глаза у него сами собой навернулись слезы. Здоров был трофей Дрюнделя, настолько здоров, что один он его даже приподнять не смог бы.

– Да ладно... – великодушно пожалел его Чебот. – Пошутил я... Сейчас поможем. Как-никак ты сегодня у нас герой.

Видно было, что он не забыл паники в Лесу предков и тихонько издевается над Дрюндедем. Костя уже стоял рядом с убитым и старательно отводил взгляд от его лица. Теперь он был более чем уверен, что это тот самый человек со шрамом, который убил его родителей в поезде. Память вдруг выплеснула из себя все, что накопила за эти годы. Словно рухнула плотина, и на него обрушились все страхи той ночи, которая превратилась в кошмар, приходивший к нему почти еженощно.

Поезд проснулся от сильного толчка и диких криков. Стреляли совсем близко. В коридоре топали здоровенными сапогами. Рядом в купе, должно быть, убивали человека – там кто-то хрипел и лупил ногами в стенку с такой силой, что она прогнулась.

– Лежите, лежите! – встревожился отец и выскочил из купе.

Больше Костя его не видел. Таким он ему и запомнился – в рубашке, джинсах и тапочках на босу ногу. В следующее мгновение в коридоре раздались выстрелы, и мать, сообразив, что к чему, защелкнула дверь на «собачку». С другой стороны в нее тотчас ударили чем-то тяжелым, массивным. Лопнуло зеркало, полетели осколки.

– Лезь! – Мать схватила его, сонного и ничего не понимающего, завернула в одеяло, чмокнула в лоб и вытолкнула в

окно.

Костя шлепнулся на гравий и больно ударился. Он хотел заплакать от страха, но еще страшнее было то, что мать не выпрыгнула за ним следом и что в купе происходило что-то жуткое и непонятное. Там мелькали страшные тени.

– Костя! Беги! Беги... – услышал он крик и, конечно же, никуда не побежал, а как привязанный пошел вслед за тронувшимся поездом, пока не показалось это уродливое лицо со шрамом.

Человек, оскалившись, высунулся из окна. В руке у него был пистолет, он целился в Костю, а затем выстрелил: «Бах! Бах! Бах!» И тогда Костя действительно испугался и побежал, а потом три дня прятался на полустанке, ожидая возвращения родителей.

Теперь этот человек лежал перед ним и был мертв. Мертвое не бывает. Кровь отлила от лица, оно сделалось белым как мел и безразличным ко всем деревенским страстям. Однако шрам, проходивший через левое веко, оставил глаз открытым, и от этого казалось, что мертвец подглядывает за ними. Добить бы его надо на всякий случай, подумал Костя, чтобы наверняка, чтобы не проснулся, а подох окончательно и бесповоротно, да как-то глупо при всех, скажут потом, что я псих, или засмеют, чего доброго. И не добил, застеснялся Чебота и Дрюнделя – в общем, оплошал без меры, о чем потом долго сожалел. Хотя если бы добил, то ничего последующего не случилось бы и не развилось в длинную-длинную

историю.

– Слышь, – сказал Чебот, – говорят, охотник к нам забрел и рассказывал, что эти самые кайманы, – он кивнул на мертвеца, – на Большой земле власть большую имеют.

– Может быть, – сказал Костя. – Я не знаю. Сейчас «время-марь», все может быть. Нам-то все равно, мы на отшибе живем.

– Оно-то так, конечно, – согласился Чебот и вдруг заорал на Дрюнделя: – Ну что ты стоишь? Давай! – И схватил мертвяка за руку.

Костя – за другую. Рука было негнушаяся, как деревяшка. Дрюндель неуклюже пристроился к ногам. Мертвяк оказался очень тяжелым. Они втроем только с третьей попытки перевалили его в телегу.

– Ну вот так-то лучше! – подмигнул Косте Чебот, отряхивая руки.

Костя сел в телегу так, чтобы не видеть лица убитого. Пока они ехали назад, ноги десантника в высоких армейских берцах шевелились, и Косте казалось, что тот оживает. Несколько раз он испуганно оборачивался, ловя на себе не менее испуганный взгляд Дрюнделя. Возле дома Зиминной погрузили пулеметчика, которого подстрелил Костя. Самое неприятное заключалось в том, что голова у пулеметчика оказалась вчистую раздавлена колесами бронетранспортера. Чебот велел Дрюнделю взять у Зиминной помойное ведро и соскрести лопатой в него то, что осталось от головы. Нехорошо как-то

было оставлять раздавленную голову на земле.

Пару раз Дрюнделя вырвало в то же самое ведро. Они с Чеботом не успели и глазом моргнуть, как он его бросил и побежал по единственной улице деревни, словно трусливый заяц, несмотря на то что Чебот свистел ему вдогонку и обещал при встрече сильно намять бока.

– Что мы, за него должны вкалывать?! – возмутился он и никак не хотел успокаиваться. – Ну попадись ты мне, толстопузый уродец!

Четвертого мертвяка Рябой и деревенские мужики со зла так искалечили, что, когда стали его поднимать, Косте показалось, что у того в ногах и руках по лишнему суставу образовалось. Намаялись они с ним больше, чем со всеми остальными. Костя еще никогда так не уставал. А Чеботу, казалось, хоть бы хны. Он только еще яростней стал поносить Дрюнделя.

Они с трудом скинули мертвяков из телеги на ледник, наивно полагая, что вытаскивать их оттуда будет кто-то другой. В деревне было два общественных ледника, построенных еще в середине прошлого века. Когда-то рыбная артель хранили в них рыбу. Так оно и повелось: при любом строе общественную рыбу в теплое время года хранили в ледниках, лед в которых возобновляли каждую зиму. По весне один из них освободился.

Чебот посмотрел в черную пасть ледника и попросил, с вожделием поглядывая на нож в разгрузке:

– Подари...

– Нельзя, – Костя поморщился, как от зубной боли, – не мое...

– Ну и что?.. – цинично сплюнул Чебот и высморкался, как мужик на сенокосе, а руки вытер о молескиновые штаны. – Скажешь, что потерял...

Его глаза, черные, как зрачок ружья, требовательно уставились на Костю. Может быть, Костя и подарил бы ему этот нож, да не было в тех глазах ни дружбы, ни расположения, а одно желание заполучить нож, пусть даже ценой неприятностей для Кости.

– Я бы сказал, – вздохнул Костя, – но ведь ты знаешь нашего атамана.

– Знаю, – понимающе кивнул Чебот. – Тогда пошли домой, жрать охота.

– Пошли, – согласился Костя и немного погодя спросил, оглянувшись на ледник: – Зачем мы это делаем? Похоронили бы, и все!

– Я сам не очень-то понял, – ответил Чебот. – Возись здесь с ними. Главное, что Рябой сказал: положите на лед, и точка! Ведь ты знаешь его?! – ехидно добавил он, намекая на нож.

Костя сделал вид, что ничего не понял.

– Знаю, – согласился он и подумал, что все равно нож не отдаст, – ему виднее.

На этом и разошлись, каждый в свою сторону, оба перемазались в грязи и крови, и когда Костя явился домой, Ксе-

ния Даниловна только всплеснула руками:

– Хорошо хоть отец догадался баньку затопить. Сбрасывай верхнюю одежду и марш мыться.

Костя скинул в угол, подальше от печи, разгрузку, туда же поставил «плазматрон», схватил сменное белье и побежал в баньку на край огорода.

Поперек огорода пролегали мостки, по обе стороны которых росли картошка, лук, в теплице под стеклом ветвились побеги огурца. За огородом тек широкий и глубокий ручей, в котором Костя в детстве ловил пескарей и уклеек. По другую сторону ручья, заросшего стрелолистом и водокрасом, разбегался луг, а уже за лугом начинался Лес предков.

В бане пахло березовыми вениками и влажным воздухом. Костя торопливо разделся, стараясь как можно меньше ступать на мокрые, скользкие половицы, схватил чистую шайку, березовый веник и нырнул в мыльню, ориентируясь на единственное окошко, которое светилось в глубине черного пространства.

Семен Тимофеевич крикнул откуда-то из темноты:

– Дверь-то, дверь-то!..

Костя поплотнее закрыл разбухшую дверь, по низу которой тянуло холодком, и шагнул туда, где должна была быть печь с котлом. Он плеснул в шайку кипятка, разбавил его холодной водой из бочки и пошел туда, где, белея голым телом, мылся отец.

– Ну-ка... – воинственно сказал тот и окатил Костю хо-

лодной водой.

Костя взвыл от неожиданности, хотя знал эту дежурную шутку отца, и, счастливо засмеявшись, принялся мыться. Все его горести моментально испарились, и он снова ощутил себя дома, где спокойно и уютно и где можно не бояться, что тебе прострелят голову или сожгут из «плазматрона».

Потом они терли жесткими вихотками друг другу спины, радостно кричали, сменили по три тазика воды и, намывшись, подались в парильню. Отец плеснул на камни. Пар с шипением ударил вверх и мгновенно заполнил крохотное помещение. Еще острее запахло сосновыми досками и распаренными вениками.

– Ну-ка... давай! – Семен Тимофеевич забрался на верхнюю полку, почти под потолок, где невозможно было дышать. – Поддай!

Костя плеснул еще и выхватил из ведра веник, в котором он отмокал.

– С оттяжкой... с оттяжкой... – руководил процессом отец.

Каждый раз происходило одно и то же, и вроде бы Костя старался, и вроде бы делал все как положено, ан нет, каждый раз не так и не этак. Через пять минут не выдержал, скатился вниз, где было не так жарко.

– Слабак! – насмешливо сказал Семен Тимофеевич. – Поддай-ка еще! – Сел и принялся сам себя охаживать веником и по ногам, и по бокам, и по спине, приговаривая: – О-

о-о-х, хорошо, о-о-о-х, хорошо... о-о-о-х, блаженство!

Живот у него было большой, как бурдюк, голова седая, а глаза добрые-добрые и внимательные, но вместе с тем строгие.

Костя немного посидел внизу, чувствуя, что исходит потом, и выбрался в мыльню, которая показалась ему раем по сравнению с парной, ополоснулся прохладной водой и вышел одеваться. И только через полчаса, когда он уже сидел на улице, щурясь на заходящее солнце, Семен Тимофеевич выбрался из бани, звякнул крышкой на ведре и, испив квасу, крикнул:

– Костя, ты здесь?

– Здесь, батя, здесь... – ответил Костя.

– Скажи матери, что я сейчас приду. Остыну и приду.

– Хорошо, батя, – сказал Костя и пошел в дом.

* * *

– Откуда такая цацка? – близоруко поинтересовался отец, кивнув на оружие. – Он поискал на подоконнике очки с перевязанными дужками, нацепил их и придирчиво воззрился в угол. – Что-то я такого раньше не видел, – перевел вопросительный взгляд на Костю.

– С перевала, – сказал Костя, ожидая, что отец начнет его ругать за гибель Косого.

Однако отец только покачал головой и сказал, не ободряя и не порицая:

– Значит, вы его все-таки сбили?

– Сбили, батя, – признался Костя с тяжелым сердцем, потому что, по его мнению, особо хвататься было нечем. Но добавил на всякий случай, чтобы реабилитировать себя: – Плазменная штука. Щелкает, как кнут.

Другого сравнения он не нашел, хотя даже кнут по сравнению с «плазматроном» щелкает слишком медленно.

Семен Тимофеевич хмыкнул:

– Ну-ну... а теперь что?

В его вопросе таилась подковырка, направленная и против нового оружия, и против Рябого, и вообще против всей этой задумки с «вертолетом», которой отец не понимал и, видно, спорил с Рябым на этот счет.

Костя подумал, что отец, как человек сугубо мирной профессии, не любит убивать и не любит войны.

– Почему я знаю? – пожал он плечами и по-пацаньи шмыгнул носом, давая понять, что еще не дорос до взрослого, что он свое дело сделал и с него взятки гладки.

Действительно, пусть у Рябого голова болит, подумал он. Завтра я свое ружье сдам, а там хоть трава не расти. А что отец имел в виду своим коротким и ироничным «ну-ну», Костя так и не понял, хотя подумал, что эта история будет иметь продолжение. Вот кажется мне так, и все тут! Не дай бог, конечно. Стоит поговорить с атаманом посерьезнее, пусть он расскажет о своих планах насчет «вертолета» и прочего. Пусть! Пушка – оно, конечно, хорошо, но ведь жили и без нее. Как бы не накликать себе на голову еще одной беды!

Перед едой отец выпил сто грамм самогона. С удовольствием крикнул.

– Тебе еще нельзя! – заметил безапелляционным тоном и принялся толочь в ложке крупную соль и дольку чеснока. – Молод еще... успеешь попить водки-то. Дурное дело нехитрое!

Костя довольствовался кружкой ядреного кваса на хмелю. Разумеется, ему уже случалось пробовать самогон, но при родителях эти свои знания он не демонстрировал. Ни к чему, спокойнее жить будут. И они принялись есть. За наваристыми щами последовали пельмени, посыпанные зеленым луком, под которые Семен Тимофеевич хлопнул еще сто грамм.

– Откуда, мама?.. – удивился Костя.

– Ешь, ешь, еще подложу, – ответила довольная Ксения Даниловна.

Должно быть, из стратегических запасов, сообразил Костя. Под сараем у них был собственный ледник, а еще зимой отец купил у оленеводов тушу оленя.

После еды захотелось спать. Он сидел и клевал носом, дожидаясь, когда поест отец, потом поплелся к себе и тут же уснул, едва коснувшись подушки.

Ближе к полуночи Ксения Даниловна зашла в комнату, заботливо укрыла его, но Костя ничего не почувствовал. Он снова переживал события дня, бегал, стрелял и никак не мог убить человека со шрамом.

Проснулся он поздно. Солнце вовсю светило в окно. На тумбочке у изголовья стоял стакан с молоком, рядом на салфетке лежала краюха хлеба.

Костя залпом осушил стакан, взял краюху и вышел бо-сиком в большую комнату. Хороший у них был дом. Теп-лый, старый и скрипучий. Приятно в нем было жить. При-ятно было встать вот так утром и пройтись по чистым поло-вицам, вдохнуть воздух, пропитанный запахом яблок. Ябло-ки до поздней весны хранились на холодной стороне дома – веранде.

Ксения Даниловна выглянула с кухни:

– Сейчас кушать будем.

Пахло пирожками с луком. Но не успел Костя умыться, как прибежал малой, сын тетки Дуси, что жила через два до-ма:

– Кличут тебя, атаман велел прийти.

– Сейчас, – отозвался Костя. – Идти надо... – извиняю-щимся тоном сказал он матери.

– Иди, иди, конечно, пирожков только возьми.

– Да я быстро, одна нога здесь, другая там, – пообещал

Костя.

Он забежал в комнату, поискал, чего надеть. Судя по все-му, на улице было прохладно. Подумал и надел, в надежде поразить Верку Пантюхину, свитер «бойз» и джинсы «ма-вин». Сверху, конечно, любимую суконную куртку, переши-тую из армейской шинели, а на ноги – кирзачи, ну и «менин-

гитку», разумеется, не забыл.

– Все, ма, – сказал он, подхватывая из угла «плазматрон» и разгрузку, – я побежал.

– К обеду обязательно будь дома! – крикнула мать.

– Обязательно! – ответил он и выскочил на улицу.

Несмотря на ярко светившее солнце, накрапывал мелкий дождик, даже не дождик – в воздухе висела мелкая водяная пыль. День обещал быть ветреным. Лес стоял темный, взъерошенный. Парашка несла свои воды, как всегда, стремительно и одновременно лениво, как и подобает большой, серьезной реке. В глубине ее, там, где она походила на бутылочное стекло, под камнями стояли непуганые хариусы с огромными, как паруса, плавниками.

Деревня Теленгеш считалась большой, в ней было полста дворов, а жили в ней черноволосые, скуластые и узкоглазые теленгеры.

Костя съел пару пирожков с капустой и луком, остальные завернул в кулек и засунул в карман. Лошади, на которых они ездили сбивать «вертолет», сами пришли в деревню, их расседлали, и они бродили по лугу, пощипывая траву. На площади перед церковью толпился народ. Похоже, все только-только пришли с погоста.

Рябой увидел его и воскликнул:

– А вот и наш герой! Мы специально дали тебе поспать.

– Зря, – расстроился Костя, – я как все...

– Ничего, ничего, – улыбаясь, возразил Рябой, – поспал,

и хорошо. Молодым больше спать надо.

Голова у него была перевязана, левая рука висела на перевязи из старого галстука. Выглядел Рябой лучше, чем вчера, только под глазами остались тени, да порой он морщился явно от боли в руке. А в остальном был, как и прежде, широким, кряжистым боевым атаманом с пронзительными чернящими глазами, понимающим в этой жизни нечто большее, чем другие, и поэтому Костя завидовал ему.

– Оружие занеси ко мне в дом и возвращайся, – добавил Рябой, бросив взгляд на разгрузку и «плазматрон». – Поминать будем. Подожди... – Он вытащил из разгрузки черный нож с зацепом под руку, хлопнул Костю по плечу и сказал: – Ну иди...

Косте почему-то было жаль расставаться с ножом, словно он стал его личным оружием. Он, правда, хотел заикнуться насчет тех, кто валялся на леднике, уж очень у него не лежала душа к тому, что они там не заперты, но атаман уже развернулся и командовал бабами и детьми:

– Так, несите все в клуб, а ты, Агафья, сбегай вместе с ним ко мне за самогоном.

Костя разочарованно вздохнул и поплелся вслед за старой Агафьей Спиридоновой. Сколько он себя помнил, она всегда была такой – сухой и плоской, как доска, в неизменном черном платке и черной же суконной юбке. А вот на ногах у нее на этот раз вместо привычных резиновых сапог были какие-то страшно допотопные лаковые туфли. Наверное,

специально надела на поминки, насмешливо подумал Костя и тут же устыдился, вспомнив, что Зверов Василий был ее соседом справа и что они дружили семьями, и стало быть, туфли она надела из-за уважения к памяти покойного.

В доме атамана хозяйничали жена атамана Клавдия, женщина злобедная и острая на язык, и две дочери, одна из которых была замужем за Степой Аникиным. Степан был на три года старше Кости и в настоящее время пытал счастье на «промысле» Лоухи. Вторая дочь, младшая, еще играла с куклами.

Костя положил разгрузку и «плазматрон» в сенях, где уже лежал ящик с оружием, а на стене висели две желтые кобуры с пистолетами, еще раз пожалел о черном ноже, который ему ну очень понравился, и вернулся в горницу. Из кухни несло чадом. Жена Рябого, размахивая вилкой, командовала:

– Возьмете эти четыре корзины и бутыль!

О таких в деревне обычно говорили: «Если девка – то на всю улицу, если баба, то на всю печь». Здоровая была Клавдия телом во всех отношениях и остра на язык, что бритва.

– Бутыль куда? – растерянно спросил Костя и подумал: не в зубы же?

В корзинах была жареная рыба и пучки свежего лука.

– Я помогу! – пропищала младшая Катька, обсыпанная мукой с головы до ног, и сдернула с себя фартук, при этом она с презрением бросила взгляд на Агафью, а с Костей так стала кокетничать, что у него покраснели уши и захотелось

побыстрее покинуть дом атамана.

– Куртку только надень, пигалица, куртку! И в сапогах-то, в сапогах, а то простынешь! – крикнула Клавдия, орудуя вилкой на огромных сковородах, где жарился хариус.

Бутыль была чуть ли не в два раза больше самой Катьки. Она обхватила ее, как свою самую любимую куклу, и, с вызовом взглянув на Костю, поперла. До клуба дошли без приключений, хотя отдыхали, присаживаясь на лавочки, три раза. Разумеется, Костя донес бы свои корзины в два счета, да малая Катька и старая Агафья на такой подвиг не способны были. Ну и конечно, Катька, наученная кем-то из подруг, то и дело кидала на Костю взгляд своих темно-карих глаз. Вот молодежь пошла, удивлялся Костя, невольно тушуясь перед не по годам бойкой девчонкой.

Клуб был построен еще во времена советской власти – каменный, длинный, как казарма. Потом в нем было правление колхоза, потом правление артели, потом с одной стороны – почта, а с другой – медпункт, но помещение так по привычке и называлось: «клуб», и никак иначе. Затем, когда мода на атеизм закончилась, рядом выросла трехглавая церковь с ярко-зеленой крышей, а вокруг церкви посадили персидскую сирень и возвели заборчик.

– Я здесь останусь! – пропищала Катька, увидав, от каких лакомств ломаются столы.

Деревня поскребла по сусекам и сотворила поминки. После этого она положит зубы на полку, не без основания по-

думал Костя, и будет считать зернышки.

– Иди к матери! – погрозила ей пальцем Агафья Спиридонова и насупилась из-под платка.

– Вот еще! – бойко возразила Катька и попыталась затеяться в толпе, но Агафья, вдруг проявив чудеса ловкости, схватила ее за подол:

– Иди, говорю!

Костя не стал ждать, что произойдет дальше, и подошел к своим:

– Чебот здесь?

– Сейчас придет. Его Рябой куда-то послал. Тебя Скел, Телепень и Мелкий Бес ищут.

– Объявились?

– Повиниться хотят.

– Ясное дело... А где они? – оглянулся Костя и увидел Верку Пантюхину.

Она стояла у окна и смотрела на него, как показалось ему, грустными-грустными глазами. Сегодня обязательно поцелую ее! – решил Костя. – Ей-богу! И тотчас забыл обо всем происходящем.

– А по-моему, козлы они! – посмел высказать мнение малолеток Гном. – Заячья душа у них! Вот если бы я пошел, я бы всем навалял!

Костя с презрением посмотрел на него. Как бы ни были виноваты Скел, Телепень и Мелкий Бес, не дело малолеток осуждать их. Здесь люди есть и постарше, подумал Костя и

высказался небрежно, но многозначительно:

– Не учи дедушку кашлять...

Гном на всякий случай спрятался за Чибиса, сына одно-рукого Семена, который потерял руку на войне с людьми-кайманами.

– Хотят, чтобы ты за них словечко замолвил перед Кондратием Александровичем, – сказал Цапля и примирительно улыбнулся.

Костя поежился. Новые обязанности героя никак не укладывались у него в голове. Ну какой я герой, невольно подумал он, любой бы на моем месте поступил точно так же. А слово замолвить можно, почему нельзя, если только Рябой послушает. Только толку-то? Все равно народ решит по-своему.

Когда Костя снова оглянулся, Верки уже не было. Зато он увидел своего врага Чебота – тот шел вдоль зала, и все, кто попадался ему на пути, уступали ему дорогу. Но поразило Костю не это, а то, что на пузе у Чебота красовалась желтая кобура с пистолетом. И конечно же, Чебот был на седьмом небе от счастья, его просто распирало от самодовольства. Морда его лоснилась, а непослушные вихры были намазаны маслом и уложены на прямой пробор, что делало его похожим на своего отца, Валериана Федоровича, когда тот бывал трезв и служил молебен. Вот как крадут у человека славу! – с горечью подумал Костя и страшно обиделся на Рябого. Получается, кто первым оказался рядом с начальством,

тот и герой! Ему стало так обидно, что он тут же решил уйти и скрыться от любопытных глаз. Теперь ему казалось, что все только и заняты тем, что смотрят на него и шепчутся между собой о том, как не повезло Приемышу и что наконец-то его щелкнули по носу, и правильно сделали, нечего лезть вперед наших, теленгеров.

Ничего не видя перед собой, позабыв о Верке Пантюхиной, Костя, как в тумане, пошел к выходу, еле переставляя отяжелевшие ноги и слыша за спиной, как ему казалось, смешки и унижительный шепот: «Знай наших!» Осталось сделать два-три шага, и можно было оказаться на крыльце, быстренько свернуть за угол и убежать от стыда и обиды. Вот, оказывается, как оценили мои поступки, думал он, как вдруг, похолодев в душе, услышал командный голос Рябого:

– Костя!.. – и потом, немного погодя: – Ты куда?.. Все за стол садятся! А ты у нас главный герой! А ну-ка стой! Подойди ко мне!

Костя повернулся с полными слез глазами:

– Кондратий Александрович...

– Ну е-мое! – возмутился Рябой и, крепко схватив Костю за руку, дернул сильно и больно. – Сядь! Сядь и сиди рядом! Люди вокруг... стыдно!

Он пихнул Костю на лавку, и тот покорно плюхнулся на нее. Рябой, как-то странно посмотрев на него, обратился к собравшимся:

– Ну что, господа-товарищи! Всем налили? Выпьем за

светлую память наших односельчан: Андрея Лукина и Василия Зверова. Хорошие были мужики. Крепкие, работающие! Побольше бы нам таких, цены деревне не было бы!

Все поднялись, молча выпили, и Костя тоже выпил свои пятьдесят грамм самогона и даже не почувствовал, какой он крепкий. Потом выпили еще раз и еще, а он все не закусывал и не закусывал. И вдруг, когда у него в голове появилась пугающая легкость и он стал сползать с лавки, чтобы все-таки улизнуть, атаман встал, прочистил горло и сказал, очень серьезно глядя на односельчан:

– А теперь, дорогие мои, выпьем за того, кто спас нашу деревню, за верного человека, который выполнил свой долг! Славная у нас смена растет! – И посмотрел на Костю.

Костя, который до этого сидел, уставившись в тарелку с холодцом, поднял глаза: напротив, по левую руку от атамана, сидел Чебот. Ну все! – подумал Костя, краснея еще больше, – сегодня же уйду на Лоухи! И гори оно все синим пламенем!

– Встань, Костя! – велел Рябой. – Встань! Пусть все видят героя!

Он потянул Костю за рукав, и Костя, мало что соображая, поднялся, ссутулившись и не зная, куда девать руки. Ругать будут, подумал он обреченно. Ну и пусть ругают, все равно уйду в Лоухи!

– От всей деревни вручаю тебе наградное оружие, – между тем говорил Рябой, – пистолет, который вы добыли в вертолете.

С этими словами Рябой полез куда-то под стол и достал ту самую желтую кобуру, которая совсем недавно красовалась на пузе у Чебота.

– Носи на славу и пользуйся только тогда, когда в этом есть самая острая необходимость!

Костя, оглушенный происходящим, механически взял оружие и рухнул на лавку. Ему моментально стало стыдно. Он покраснел как рак и готов был провалиться сквозь землю из-за своей горячности. Однако никто ничего не заметил. Все присутствующие захлопали в ладоши, выпили, а потом, одобрительно перешептываясь, сели на свои места.

– Ну, паря, – сказал сосед справа по имени Мирон Попов, от которого пахло крепким табаком, а голос был надтреснутым, как старый патефон, – теперь ты герой!

– Спасибо... – ответил Костя и только тогда осмелился глянуть на Чебота, чтобы проверить свое предположение.

На животе у того уже не было кобуры, и Костя понял, что атаман послал Чебота за этой самой кобурой и что кобура с пистолетом предназначалась ему, а не Чеботу. Фу, подумал Костя, ну и дурак же я! Обида у него моментально прошла, на душе сделалось легко, и он принялся за холодец. Потом кто-то навалил ему картошки, и он был благодарен всем-всем людям в клубе, которые, оказывается, думали о нем только хорошее, а плохого ничего не думали. Ну слава богу, радовался он, пронесло. А я уж решил: что это за напасть?

Узкий ремешок кобуры он пропустил через плечо и пове-

сил кобуру на бок. Она приятно скрипела и пахла настоящей кожей. После этого он уже победно глянул на Чебота. К его огромному удивлению, Чебот глядел на него вполне дружелюбно.

– Ну, а второму нашему герою мы сегодня вручаем нож разведчика! – не менее торжественно произнес Рябой. – Встань, Рем! Встань!

Когда все выпили за Чебота, Костя перегнулся через стол и попросил:

– Дай посмотреть!

Рукоять ножа с зацепом была эбонитовая, черного цвета, а на лезвии было выгравировано «зик 2008». Что такое «зик»? – принялся гадать Костя. И опять же Мирон Попов просипел:

– Златоустовский инструментальный комбинат.

– А-а-а... – согласился Костя. – А где это?

– На Урале, –дохнул табаком Мирон Попов. – Я там, брат, работал. Но вещь хорошая, на зверя или в разведке – незаменимая вещь.

– Спасибо, – ответил Костя с легкой душой.

– Пожалуйста.

Однако тетка Акулина, старая ворожея и знахарка, проходя мимо, сказала:

– Плохой нож...

– Почему?! – удивился Костя. – Нож как нож.

– Знак на нем недобрый. – И пошла дальше разносить де-

ревенские разносолы.

А Дрюнделю за его подвиги вручили те самые часы, которые он снял с мертвяка. Оказалось, отец заставил отпрыска повиниться перед атаманом. Ну, а атаман по широте душевной его и простил – слишком значительное дело было сделано на фоне всеобщего невезения, и он надеялся, что ситуация переломится и что-то в этом мире изменится для деревни и всех, кто живет в ней. Ведь не может быть, чтобы все время было плохо, думал Рябой.

Потом, когда поминки перешли в заурядную пьянку, когда столы обнесли по десятому разу и трехмесячные запасы деревни были съедены вчистую, а животы оказались набитыми, когда мужики задымили самосадом, а бабы раскраснелись и сняли черные платки, когда все стали шуметь и громко разговаривать, когда дед Клим Спирын упал мордой в тарелку, а дед Антон Полуянов запел, фальшивя: «По долинам и по взгорьям...», когда солнце стало бордовым и присело за сопки, когда мелкий дождь прекратился, а река Парашка стала многоводной – в общем, когда это все произошло и казалось, что ничего нового произойти уже не может, Костя набрался храбрости и оказался рядом с Веркой Пантюхиной. Он решил ее сегодня обязательно поцеловать.

– Жених и невеста! Жених и невеста помесили тесто! – ябедническим тоном сообщила Катька, атаманская дочка, возникнув, как дух, откуда-то сбоку.

– Брысь отсюда!.. – беззлобно прогнал ее Костя и показал

ей кулак.

Катька в ответ показала ему свой маленький кулачок, обиделась и пропала так же внезапно, как и появилась.

– Светло еще как... – робко сказала Верка, глядя в окно и, как обычно, теребя свою толстую косу.

На улице застучал дизель: «Тук-тук-тук-тук...» – и в зале загорелись лампы. Рябой расщедрился, тратил драгоценное топливо. В окно тут же стали биться комары и мошки. За рекой в темных плоских облаках висело красное, как земляника, солнце.

– Белые ночи начинаются, – сказал Костя, выставляя кобуру так, чтобы Верка видела ее в первую очередь.

– Страшно было?.. – спросила Верка, неожиданно приблизившись к нему так, что он ощутил ее тепло и совсем близко увидел ее огромные, широко распахнутые глаза.

– Не помню... – ответил он заворуженно, погружаясь в эти глаза, как в бездну. – Не думал...

– А обо мне ты думал?.. – спросила она, глядя на него пристально-пристально, отчего Костя вмиг сделался словно пластилиновым, и ее губы казались такими желанными, что он потерял ощущение времени и во рту у него мгновенно пересохло.

Думал, конечно, думал, хотел сказать он, но не успел, он даже не успел взять ее за руку, потому что на улице раздался истошный крик:

– Ведьмак!!!

Глава 3

Погоня

– Ведьмак!!!

Так одинаково истошно могли орать и женщина, и мужчина, и ребенок – будто кого-то страшно и жутко резали.

Все вскочили, словно их подбросило, и вымелись на улицу, дыша самогонными парами и ужасно сквернословя. Хорошо еще, что дверь в клубе была двустворчатой и легко распахнулась, однако же некоторые сельчане для быстроты полезли через окна и палисадник и даже сломали любовно сделанный Климом Даниловичем Субботиным резной заборчик синего цвета, а уж о том, что вытоптали все тюльпаны и примулы, и говорить нечего.

Единым порывом Костю вместе с Веркой вынесло в первые ряды, и они увидели: посреди площади застыло разъяренное лохматое чудовище с черным, залитым кровью лицом и оскаленными зубами. Ноги у него были выгнуты, как у кузнечика, а руки походили на лапы неведомого зверя, потому что торчали в стороны, непонятно как – в общем, совсем не по-людски. К тому же оно еще и зарычало, увидав людей. Да это же мертвяк, сообразил Костя, и мороз пробежал у него по спине, тот самый мертвяк, которому поломали руки и ноги! Он крепче обнял Верку, чтобы она не дро-

жала от испуга и, не дай бог, не грохнулась в обморок. Верка доверчиво взглянула на него, прижалась и даже положила ему на плечо голову. Если бы ему еще день назад кто-нибудь сказал, что он вот так, запросто будет стоять с самой красивой девушкой деревни, он бы не то что не поверил, он бы просто расхохотался во все горло – так невероятно это было. Еще никто, ну кроме разве что приемных родителей, не был с ним дружелюбен и ласков, и он был безмерно благодарен Верке за подаренную ему нежность.

– А ну-ка, что здесь такое?! – грозно вышел из толпы Рябой.

В правой руке у него была та самая «тулка» двенадцатого калибра, с которой Костя ходил сбивать «вертолет».

– Так вот же!.. – распаляясь, заорали все, с возмущением показывая на существо. – Ожил, сволочь!

– Кто ты?! – спросил Рябой. – Человек аль кайман? – И глаза его, и без того черные, стали еще чернее и пронзительнее.

Ох как не хотел бы Костя попадаться в этот момент под его горячую руку, потому что был Рябой так же страшен, как и лохматое чудовище, может быть, даже еще страшнее и яростнее. Ну сейчас он ему сделает, почти радостно подумал Костя. Это его ощущение передалось Верке, и она тоже заулыбалась, хотя улыбаться вроде бы было не к месту, не ко времени и даже кощунственно.

– Кайман! Евсевий Кособоков! – отозвалось существо и

выпрямило ноги и руки, и даже чем-то стало походить на человека. – Сейчас я вас убивать буду!!!

Толпа ахнула:

– Точно! Он! Евсевий! – И подалась назад.

– А-а-а! – закричал кто-то не своим голосом.

Паника распространилась на задние ряды, и там кто-то отчаянно вскрикнул и окончательно доломал заборчик в палисаднике, вытоптав в довершение остатки цветов. Даже Костя с Веркой испугались и тоже отступили. Один атаман остался, как перст, посреди площади напротив человека-каймана – непоколебимый, как символ деревни Теленгеш.

– А это мы сейчас поглядим! – сказал он, вскидывая «тулку».

В деревне лишь атаман умел стрелять из «тулки» навскидку одной рукой. Костя невольно закрыл глаза, а Верка отвернулась и ткнулась ему в грудь, прямо в суконную, колючую куртку. В ту же секунду, когда грянул выстрел, Костя открыл глаза и увидел: картечь, рассчитанная на волка, ударила Евсея Кособокова в голову, которая мгновенно вспухла в пространстве мазком крови, а в следующее мгновение ее не стало. Однако тело, отброшенное назад с раскинутыми в стороны руками, словно застыло во времени и как ни в чем не бывало продолжало стоять, пока из толпы суетливо не выскочил Тришка Кузьмин. Набравшись храбрости, он пнул его в живот и тут же отскочил назад, словно его ужалила змея. Только тогда Евсевий Кособоков упал навзничь,

но даже после этого продолжал шевелиться и даже попробовал ползти кругами, оставляя за собой кровавый след. Потом кто-то свистнул, и толпа, мстя за свои страхи и унижение, с топорами, штыковыми лопатами и кольями нахлынула на Евсевия Кособокова, как девятый вал на берег, потопталась, что-то там такое сделала и расступилась, а на месте, где был Евсевий Кособоков, осталось огромное кровавое пятно и отрубленная рука, которая схватилась за чей-то подол и никак не хотела разжимать пальцы, даже когда ее оторвали вместе с куском материи, даже когда ее изрубили на мелкие кусочки. Только после этого все успокоились и нервно стали переговариваться, закуривая душистый самосад:

– Это ж надо! Евсевий Кособоков! Антихристом стал! Бесом! Дьяволом! Кайманом чертовым!

– Бессмертие какое-то бесовское! Как он ожил?! Лягушка бесхвостая!

– Не иначе, царь Кощей! – предположили бабы.

– Так там же еще трое! – крикнул кто-то, да так громко, что все притихли, а потом словно искра ужаса и дурного предчувствия пронеслась над деревней.

Все сразу вспомнили, что кайманы лежат на леднике и что ледник не заперт. Кинулись на противоположный край деревни и стали в страхе кричать, что кайманы убежали и что их надо догнать и убить, иначе...

– Иначе, – спокойно и веско сказал Рябой, – иначе, когда они вернутся с подмогой, нам несдобровать. Кто пойдет?

– Я пойду! – неожиданно для самого себя крикнул Костя и, оглянувшись на Верку, прочел в ее глазах восхищение и полное одобрение, а еще то, особенное, что бывает раз в жизни, – обещание ждать до самой смерти.

– И я хочу! – Из толпы неуклюже, как медведь, вылез Телепень, кутаясь в свою черную телогрейку, и опустил глаза, боясь, что атаман выберет не его, а предпочтет, например, Скела или Мелкого Беса.

Вид у него был, как у нашкодившего кота, который обожрался сметаны.

– И я...

– И я...

Вслед за ним несмело шагнули Скел и Мелкий Бес и тоже опустили глаза в землю. Это был их единственный шанс смыть с себя позор.

В течение поминок Костя их так ни разу и не видел. Должно быть, прятались подальше от греха, хоронились по огородам, ждали удобного случая, чтобы повиниться перед народом.

– Ну что, Константин Семенович, – весело сказал Рябой, – выбирай, кого возьмешь. – И с хитрецей посмотрел на Костю и на народ, столпившийся вокруг: мол, пусть сам решит, кого казнить, кого миловать.

– Я?.. – растерялся Костя, и Верка сжала его руку, а потом подтолкнула, словно благословляя на подвиг.

– Ты, ты, – усмехнулся атаман, – кто же еще? Больше у нас

в деревне Константинов Семеновичей нет.

– Хорошо, – сказал Костя и вышел вперед, положив руку на желтую кобуру. – Беру всех!

Толпа помолчала, переваривая услышанное, а потом зашумела, как водопад на Зыби.

– Вот это дело! Вот это молодец! Это по-нашему! По-теленгерски! Пушай отмоются, а там поглядим!

– Может, забудем позор-то!

– По справедливости!

– Молодец, Костя!

– Отлично! – скомандовал Рябой, подняв в руку, чтобы смолкли крики. – А этих надо убить, иначе нашей деревне не существовать!

– Сделаем, Кондратий Александрович! – пообещал Костя и очень был уверен в своих словах.

– С Богом, дети мои! – визгливо благословил их отец Валериан Федорович, как всегда пьяный и веселый.

* * *

Через полчаса они уже трусили вдоль следа, хорошо заметного на песчаной почве – четкие отпечатки рифленых подошв армейских берцев. В лесу же дело пошло хуже, хотя было ясно, что беглецов двое и что они держат путь вдоль реки Парашки. Двигались они как-то странно, не маскируя свой путь, иногда словно нарочно ступая в грязь, чтобы оставить четкий отпечаток. Да и шли медленно, с частыми остановками. Правда, вначале бежали, а потом сдохли, как рыба

на песке.

– Дыхалки не хватило, – со знанием дела заметил Чебот. – Сейчас нагоним. – И словно в подтверждение, коснулся «плазматрона». – Атаман, куда они денутся?!

– А это что?

– Кровь, – уверенно сказал Чебот, разглядывая красное пятно на сосновых иголках.

– Отчего бы? – удивился Костя. – Хм... они же мертвяки?..

Собственно, и это замечание не укладывалось в рамки логики: с одной стороны, кровь из убитых давно вытекла, а с другой – вроде как снова появилась. Было чему удивиться.

– Кайманы, однако, – многозначительно заметил Чебот.

Костя соскочил с лошади. Не вызывало сомнения, что кровь была свежей. У него складывалось впечатление, что беглецы не маскируются не потому, что не боятся, а потому, что не могут, словно их действия похожи на поведение безумного каймана, убитого в деревне. Да и передвигаться они стали быстрее.

Преследователи сгрудились, во все глаза разглядывая пятно крови. Костя давно уже ожидал, что горе-войско вот-вот задаст стрекача – слишком встревоженными они выглядели, хотя было ясно, что у беглецов и оружия-то нет. А дело заключалось в том, что всех настрашал и разжег в них слепое суеверие вначале Рябой, который принялся рассказывать всякие чудеса о людях-кайманах, а потом – дед Арсений, ко-

гда-то воевавший против них. Он-то, собственно, и подтвердил неясную тревогу Кости. Оказалось, что каймана убить крайне сложно, что его надо или сжечь дотла, или голову с плеч долой, да так, чтобы она отлетела метров на сто.

– А то, бают, что они голову находят и на место прикладывают, а в остальном обычные люди... – вспоминал дед Арсений и крестился, суеверно оглядываясь на маковки церкви.

И все тоже крестились и кланялись в сторону церкви, будто только она могла защитить и отвести страшные напасти.

– Что же ты раньше молчал? – с укором спросил Рябой, словно осознав свою тактическую ошибку: надо было вначале народ расспросить и выведать у него, кто такие эти самые мертвяки, а только потом закатывать поминки.

– Так начальству ж виднее... – сконфузился дед Арсений. – Кто ж знал, что это кайманы? Я уже стал забывать, какие они, супостаты. Эти... как их?.. Мутанты, одним словом. Нам капитан Давыдов так и говорил: «Мутанты это, ребята. Жалости к ним не испытывайте, иначе хуже будет».

Все, кто его слушал, тихонько ахнули. Бабы принялись было голосить, но на них цыкнули.

– Вот поэтому и проиграли, эхе-хе... – сокрушенно произнес Рябой. – Воюй теперь с ними. Сколько народа положили.

– То-то и оно, – согласился дед Арсений. – Куда ж деваться? Теперь нам только партизанить и осталось.

Должно быть, в тот момент горе-войско и пожалело, что

ввязалось в авантюру. Как бы хуже не стало, должно быть, прикидывали они и ехали молча, словно на казнь тащились. Теперь каждый из них думал: «Лучше бы я промолчал, отсиделся бы в деревне, а на День Святой Троицы, глядишь, деревня уже забыла бы наши прегрешения и мы бы, как прежде, с девками ходили в клуб на танцы». И неприязненно поглядывали на самоуверенную спину Приемыша, который сидел в седле, как влитой, и покачивался себе, зная не зная об их тревожных сомнениях. Железный он, думали они со злостью, такого соплей не перешибешь! Недаром его Рябой выбрал.

Было часа два ночи. Солнце висело над горизонтом, и его пологие оранжевые лучи давали достаточно света, чтобы разглядеть следы беглецов.

– Один тащит другого, – сообразил Костя, спрыгивая с лошади. – Видишь борозды?

– Я тоже хотел об этом сказать, – согласился Чебот, объезжая жимолость, чтобы лучше разглядеть следы.

Дрюндель, который давно уже забыл о своей привычке ржать по поводу и без повода, добавил, испуганно выпучив глаза:

– Что теперь будет?..

Остальные, вытянув шеи, трусливо тарачились на кровавый след. Страх сковал их волю, парализовал разум. Все-го-то крохотное пятнышко, подумал Костя, а уже в штаны наложили. А что будет, когда настоящих мертвяков увидим?

И вдруг догадался: оживают они, точно оживают – все быстрее и быстрее. Вот откуда кровь-то и появилась. Неаккуратно, неаккуратно. Сейчас мы вас и прищучим. Не может быть такого, чтобы не догнали на лошадях-то!

– Вперед! – скомандовал он, прыгая в седло.

Боялся он только одного: что все получится не так, как они планировали. Впрочем, чего зря дрожать, успокаивал он себя, кайманы не вооружены, а у нас два «плазматрона», «тулка» и мой пистолет. Да с таким арсеналом настоящий бой можно принять. Однако через пару километров, когда заметил на тропинке уже цепочку кровавых капель, окончательно усомнился в своих выводах: вдруг кайманы еще чем-то обладают, чего мы не знаем? А потом сообразил, что дело дрянь, что кайманы не только оживают, но и бегут быстрее, чем мы движемся. Регенерируются, вспомнил он. Так это называется. Читал в энциклопедии. Ему хватило ума не сообщить об этом открытии даже Чеботу, потому что Аники-воины разбегутся кто куда, хотя, может, это и к лучшему: баба с возу – кобыле легче. Сомнения только укрепляли его дух, оказывается, надо думать и делать правильные выводы, и тогда ты обретишь ясность мышления.

Еще километров через пять лесная дорога вывела их из чащи. Справа тянулось бесконечное гнилое болото, поросшее ивняком и ольхой. Поперек болота в лесную даль убежала старая высоковольтная линия. За долгие годы высоченные опоры покосились, а некоторые вообще упали в топь, и

мужики ходили сюда за дармовым металлом.

– За реку пошли, – сказал Чебот, и они, не сговариваясь, остановились.

Дрюндель, у которого даже пропал обычный его румянец на щеках, с тревогой заметил:

– Чупа-то – не наша деревня, плохая деревня...

Костя на всякий случай сказал:

– Не учи дедушку кашлять...

Чебот предпочел не обсуждать эту проблему, и так было ясно, что без лишнего повода в Чупу соваться глупо и опасно. Враждовали деревни давно, с незапамятных времен. А по какому поводу – никто уже и не помнил. Тем не менее поводов и после этого хватало: то чуповские лодку украдут, то сети срежут, то с теленгерами из-за орешника подерутся, а то и девку из Теленгеша уведут. Правда, последнее было всего лишь раз, и очень давно, а увели не кого иного, как Агафью Спиридонову. Хорошо хоть, вернули через год родителям, говорят, те стыда не обобрались. Но самого факта воровства девушки никто в деревне Теленгеш не забыл. Вот и провели невидимую границу по реке Парашке. Их берег правый, а у теленгеров – левый. И не дай бог тебе ошибиться этим самым берегом. Останешься ты и без лодки, и без снасти, а то и без штанов с рубахой, а уж ребра точно пересчитают. Так и жили, враждуя, по разным берегам реки и не общались десятилетиями. Поэтому боязно было ехать в ту деревню Чупу и искать там беглых кайманов. Теперь их из

принципа спрячут и никому не покажут, даже если самим чуповцам это будет во вред.

Подъехали все остальные, и Чебот сказал, мрачно глядя на них:

– Дело дрянь... подались за реку... – Он вопросительно посмотрел на Костю, словно советуясь с ним. О чем он сам думал, трудно было понять.

Костя вдруг почувствовал, что ему понравилось уважение к его персоне. Только с чего бы это? Раньше Чебот так себя не вел. Раньше они дрались по любому поводу, значит, что-то изменилось. Может, мы взрослыми стали? – подумал он.

– Ушли, точно ушли, – подтвердил Костя. – Скорее всего, в деревню Чупу.

Теперь его все тревожило: ветер, налетающий порывами и раскачивающий сосны, дробные звуки дятла в пустом лесу, а главное – беглецы, которых они уже давно должны были нагнать, но так и не нагнали. Он вспомнил, как бежал последний кайман, которого свалил Дрюндель, – прыжками и быстро, как волк. За таким даже на лошадях не успеть. Таких надо хитростью брать или силой.

– Ну, что будем делать?

– А может, они и не пошли туда, может, дорогу перейдут и свернут к Девяти холмам красных дьяволов? – предположил Скел, и в глазах у него промелькнул неподдельный страх.

Ему уверенно вторил Мелкий Бес:

– Точно, они туда погребли!

Костя вопросительно посмотрел на грузного, как медведь, Телепня, но тот сконфузился и промолчал. Вид у него был словно у человека, потерявшего чужую сеть. Негоже такому здоровяку трусить. Заметно было, что Телепень ничего не может с собой поделывать, что страх сильнее его. Костя все понял: бояться, хотя т неудачу свалить на Девять холмов красных дьяволов, к бабке ходить не надо. Наверняка сговорились вернуться и сказать, что беглецы ушли за Девять холмов красных дьяволов. А что? Взятки гладки. Сделали все, что могли. Рябой запрещал даже приближаться к этим проклятым холмам. Стало быть, они все правильно рассчитали. На мгновение он сам едва не поддался искушению вернуться в деревню, уж слишком соблазнительным было увидеть Верку и взять ее за руку. Но в следующее мгновение он отбросил все сомнения:

– Мужики, во-первых, это ж какой крюк? Если бы они направлялись за Девять холмов красных дьяволов, то свернули бы напрямиком на полустанок, а во-вторых, если мы их не найдем, деревне наверняка кирдык. Так что у нас выбора нет. В следующий раз прилетит «вертолет», и всем же хуже будет. Понимаете?

– Да понимаем... – согласился худой, как глист, Скел. – А в Чупе нам бока не намнут? – спросил он, болезненно морщась, словно ему их уже намяли.

Если бы он знал, что Костя уже ходил туда, тайком, как лазутчик, и не единожды – просто чтобы пощекотать себе

нервы, он бы такие глупости не говорил.

– Даже если и намнут, – веско сказал Костя. – А это нам зачем? – Он показал на «плазматрон», лежащий у него, как у бывалого охотника, поперек седла.

– Получается, убивать своих? – неуверенно спросил Мелкий Бес, моргнув белесыми ресницами. – Рябой не одобрит. Людей и так мало осталось. – И добавил, заметив иронический взгляд Кости: – Ну, говорят, что мало осталось, в смысле нас – русских.

– Никто никого убивать не будет, – твердо сказал Чебот, вытаскивая из волос сосновую иголку. – Приедем, поговорим с мужиками на предмет, чтобы нам отдали беглецов, и разъедемся, если, конечно, они их укрыли. Да и с какой стати их прятать, что это их родственники что ли? – И сплюнул, как только он один умел плевать – красиво, через губу.

– Я вот только одного не пойму, – сказал молчавший до этого Телепень, – какого беса им переться в эту деревню? Они же не люди...

В кустах что-то прошуршало. Скел вздрогнул, словно его огрели кнутом, и схватился за «тулку». Но это была всего лишь жаба, которая направлялась к реке.

– А может, они в сговоре? – жестко предположил Чебот и так пристально посмотрел на Телепня, что тот вообще выпал в осадок, остальные же перетрусили еще больше, а у Мелкого Беса сами собой начали стучать зубы.

Костя посмотрел на них, и ему стало противно. Неопре-

деленность действовала на трусов, как нож на кабанчика. Должно быть, им хотелось без оглядки бежать в избу, зарыться с головой на сеновале и только потом думать своими куриными мозгами.

– Я... я... – потупился Скел, – домой хочу... Ну их к черту, этих кайманов!

– Кто еще домой хочет? – цепenea от злости, спросил Костя и почувствовал, как губы у него стали деревянными.

– Я хочу... – горестно вздохнул Мелкий Бес.

– И я... – понурившись, сообщил Телепень. – Вот, ребята, как руку на душу положи, страшно мне. Я еще так никогда не боялся, даже когда с батей на медведя ходил.

Но Костя его уже не слушал:

– «Тулку» отдайте и можете возвращаться. Скажете Рябому, что мы в Чупу подались.

– Как же мы без оружия?.. – начал было возражать Скел, но Чебот преспокойно взял у него ружье и протянул руку, чтобы Скел отдал пояс с патронами: – Топайте, топайте к мамочке под юбку.

– Сидор заberi у них еще, – напомнил Костя.

В сидоре лежали еда, котелок, кружки и старый бинокль Рябого. Троица налегке повернула назад, чем дальше они отъезжали, тем быстрее двигались и наконец трусливо перешли на галоп и скрылись за опушкой леса. Только Телепень оглянулся, но никто уже не смотрел им вслед.

Чебот молча кинул «тулку» Дрюнделю:

– Держи, твое будет. Сам-то не боишься?

– Я как все... – трагически и безысходно вздохнул Дрюндель, бледнея больше, чем обычно.

– Только не умри раньше времени от страха, – нехорошо хохотнул Чебот. – Еще успеешь.

Умел он так делать – показать свое превосходство и задеть за больное место. Кому это понравится, подумал Костя, но промолчал. Дрюндель – он хоть и сын зажиточных родителей, но чего-то ему не досталось, его как будто не доделали, не вложили такого, что избытке было дадено другим, решительности, должно быть.

Некоторое время они ехали молча, переживая случившееся, пока Костя не произнес:

– Давай прибавим, быстрее нагоним, быстрее вернемся.

И хотя в лесу разогнаться особенно было нельзя, километров пятнадцать до железнодорожных путей они прошли на рысях, но, разумеется, никого не нагнали. Перед насыпью Костя подал сигнал остановиться, спрыгнул с лошади и обследовал склон. Было хорошо заметно, что беглецы поднялись именно здесь, не особенно заботясь о том, что оставят следы, оборвали выюнки и зеленые шапки мха, да и щебенку разбросали во все стороны.

Он не полез следом, а нашел место, где дожди промыли ложбинку, и осторожно вскарабкался наверх, обратившись в слух и внимание. Ржавые рельсы убежали туда, где через речку Парашку был переброшен железнодорожный мост. Све-

тало. Туман с реки, как живой, переваливал через насыпь и стекал налево, в темный, призрачный Лес предков, который теперь казался враждебным и чужим.

Костя спустился в него, прошелся вдоль насыпи почти до моста, ища следы мертвяков. Где-то совсем рядом плеснула рыба, да в чаще, учуяв Костю, прошуршал неведомый зверь. Костя остановился, дальше идти было глупо: или на медведя напорешься, или угодишь в болото.

– Нет никого, – сказал он, вернувшись к своим. – Пусто. Точно за реку ушли.

– Значит, ничего не остается, как и нам туда топать, – вздохнул Чебот и повел своим маленьким, приплюснутым, как у боксера, носом. – Хотя ох как не хочется, святые угодники...

Костя ему не поверил: азартен был Чебот, чего-чего, а этого ему было не занимать. Он давно подозревал, что Чебот тоже тайно ходит в Чупу. Уж слишком таинственно он порой выглядел. Может, сети воровал, а может, к девке какой бегал?

Дрюндель благоразумно промолчал, потому что чувствовал, что к нему относятся с недоверием. Он всей душой пытался искупить свою вину, но она только множилась и множилась, и Дрюндель при всем своем желании ничего с этим поделать не мог. Таковы были реалии их юношеского сообщества, где максимализм приветствовался в любой форме.

Вдруг они услышали, что к ним кто-то приближается, вер-

нее, несется во весь опор. Лошади, стоящие под деревьями, принялись беспокойно шевелить ушами.

Чебот метнулся вправо, Дрюндель, несмотря на свою толщину, коlobком укатился в кусты и щелкнул там курками. Костя, оставшийся у насыпи, присел и взял «плазматрон» на изготовку.

«Если это кайманы, то я ничего не понял, – подумал он. – Не могут они здесь быть, и точка! Да и с какой стати им на нас нападать? Им надо нас бояться и ноги уносить как можно дальше и как можно быстрее».

– Не стреляйте, ребята! – В конце тропинки, убегающей к болоту, появился, подпрыгивая в седле, словно мешок с отрубями, Телепень. – Не стреляйте! Я вернулся!

На этот раз, несмотря на свою извечную медлительность, он был на удивление ловок, и даже улыбка на его зверской физиономии выглядела бы приятно, если бы не массивные надбровные дуги, делающие их обладателя похожим на пещерного человека.

Костя выругался:

– Черт! – И опустил «плазматрон». – Подстрелил бы тебя, дурака, знал бы потом, где раки зимуют!

– Я передумал! – снова крикнул Телепень. – Я с вами!

– Чего ты орешь?! – сказал Чебот, поднимаясь и демонстративно закидывая на плечо «плазматрон». – С нами так с нами. Поехали.

Все трое даже чуть обрадовались, все-таки правда была

на их стороне, что ни говори, а интересы деревни превыше всего. Деревня – это святое. Деревня – это то, без чего они не представляли себе жизни. Так они были воспитаны. Так им твердил атаман Рябой. Дрюндель разулыбался, обрадовался и одобрительно похлопал Телепня по спине, мол, наш товарищ. На щеках его вспыхнул румянец.

– Они... они такое удумали сказать!.. – заискивающе твердил Телепень, заглядывая в глаза то Косте, то Чеботу. – Такое! Лучше с вами, чем позор на всю жизнь!

– Вот это правильно, – равнодушно согласился Чебот, вставляя ногу в стремя, видно было, что ему глубоко наплевать на переживания Телепня и что Телепень обратился не по адресу.

– Чего они удумали сказать? – спросил Костя, чтобы разрядить неловкость.

– Ну, мол, вы все сгнули, а они одни утекли!

– Идиоты! – предсказуемо среагировал Чебот. – Вернусь, обоим рыла начищу, – пообещал он. – Святые угодники!

– Справедливо! – радостно подпрыгнул в седле Телепень. – А ружье дадите?!

– Обойдешься...

Круглое лицо Телепня вытянулось. Зато Дрюндель ехал героем, поняв наконец, что сделал правильный выбор в жизни и что правда всегда на стороне храбрых.

* * *

На мост въехали в полной тишине. Солнце, так и не при-

севшее за горизонт в течение всей ночи, ватным шариком проглядывало сквозь туман, и сосны, которые на правом берегу казались выше и таинственнее, свечками вставали одна за одной. Деревья, выросшие на железнодорожном полотне, и фермы моста проплывали мимо, словно привидения. Под опорами журчала вода. Лошади прядали ушами, нервно ступая по шпалам.

– Не балуй, не балуй... – сказал Костя, почувствовав, что лошадь под ним начала нервничать, нагнулся и похлопал ее по шее: – Спокойнее, спокойнее! – Но сам на всякий случай нажал на кнопку на «магнетроне», и индикатор загорелся ровным зеленым светом. Еще, не дай бог, кто-нибудь подстрелит, подумал он, в тумане-то пара пустяков засаду устроить.

– Кажется, я что-то слышу... – произнес Чебот и насторожился, как зверь на лежке. – Святые угодники...

Он ехал чуть сзади, и Костя, оглядываясь налево, иногда вздрагивал от его лохматого силуэта.

– Я тоже, – лязгая от страха зубами, сообщил медлительный Телепень.

– А я ничего не слышу... – покрутил головой Дрюндель и снова побледнел.

Потом и Костя тоже услышал, что далеко-далеко, за железной дорогой, словно в пустыне, звонит колокол.

– На молитву созывают, – предположил он, снимая «менингитку» и прислушиваясь. – Значит, все нормально.

– Не похоже... – сказал Чебот. – Тихо! – И поднял руку. – Лицо его выражало тревогу.

Они сгрудились, мешая друг другу. И действительно, звон был нервным, призывным, а потом и вовсе оборвался на жалобной ноте, которая долго дрожала и плыла в воздухе.

– Пожар?.. – предположил мнительный Дрюндель. – А может, нас заметили? – добавил он испуганно, хотя в таком тумане можно было заметить разве что стадо слонов, да и то с большим трудом.

Они подождали еще немножко и поехали дальше, тревожно вглядываясь в туман, но все вокруг снова сделалось тихим и сонным.

На другой стороне моста рельсы оказались загнутыми. Взрыв непомерной силы вздыбил их вверх, и торчали они, как бычьи рога. Бетонные шпалы под ними были превращены в щебенку. Арматура, как гребенка, топорщилась в разные стороны. Вот почему к нам поезда не ходят, сообразил Костя, подорвали путь, давно подорвали.

Проехали еще немного, взяв ружья наперевес, мимо синего домика обходчика, от которого остались одни стены, мимо лестницы, убегающей по склону в никуда, свернули на асфальтовую дорогу, которой давно никто не пользовался. Вокруг ржавое железо и хлам: дырявые, как сито, бочки, искореженные остовы машин, а на путях – о ужас! – застыл настоящий паровоз, от которого пахло маслом и еще чем-то непонятным, словно паровоз был живым организмом, но

только железным и почему-то забытым здесь вдали от цивилизации. А может, так и должно быть, суеверно подумал Костя, может, он отдыхает, а потом помчится за нами?

– Мать моя женщина... – шептал Телепень и никак не мог оторвать взгляд от паровоза.

Косте казалось, что все это он уже видел то ли во сне, то ли наяву. Неясные воспоминания нахлынули на него. Он вспомнил, что это явление называется дежавю – услышанное и пережитое из того, из прошлого, из другой жизни, которую у него отняли. Так он себя ощущал и так воспринимал мир. Когда он ходил в деревню Чупу, то переплывал реку ниже по течению, где его меньше всего могли ждать, а потом уже крался огородами. Но до моста, конечно же, не добирался, а просто наблюдал, как живут люди в другой деревне. Иногда прихватывал с огорода пару горстей гороха, но так, чтобы никто ничего не заметил. Поэтому у него тоже была своя тайна, такая же, как и у скрытного Чебота.

– Трактор и то меньше... – шептал в волнении Чебот. – Святые угодники...

Даже Костю, который начитался в своих книжках и правды, и вымысла, по коже продрал мороз. Паровоз был даже крупнее «вертолета» и производил впечатление невероятной мощи и силы. Из тумана выступала его передняя часть с огромными колесами. На кабине было написано «ФД-20». От этого паровоз казался более чем нереальным, словно из другого мира.

– Вот это да-а-а... вот это да-а-а... – только и повторял Дрюндель, который вообще боялся техники как огня, хотя по роду занятий отца должен был хоть чуть-чуть разбираться в механических агрегатах.

То, что паровоз – это огромный, сложный агрегат, Костя ни на минуту не усомнился. Вот бы разобрать его, посмотреть, как он сделан, помечтал он, должно быть, посложнее нашего трактора в деревне.

Так, разинув рты, они и въехали в деревню, едва не свернув себе шеи от любопытства. Колокол снова зазвонил, но уже ритмичней, в такт церковным гимнам, а потом враз смолк на высокой ноте, словно звонил пьяный, и наступила тревожная тишина, даже собаки не брехали. Деревня Чупа была больше Теленгеша из-за того, что совсем близко в ней подступала железная дорога. Вот и разрослась она аж до двух сотен домов. Из-за этого чуповцы задирали нос и считали теленгеров дикарями, у которых нет даже магазина. У них самих было когда-то аж целых три магазина, от которых, конечно же, остались одни воспоминания. Если в деревне Теленгеш церковь была единственной, то в Чупе – целых три. А главная, Успенская церковь, с большим куполом, была видна издалека, к ней со всех сторон сбегались улицы. Из-за этого всем, кто приходил из тайги, место это казалось цивилизованным.

Костя давно забыл, что такое асфальтовое покрытие, и ему было любопытно, как это получается – такой плоский

камень, все тянется и тянется, без конца и края. В сопках таких длинных и плоских камней отродясь не бывало. Однако ж, разглядев неровные, щербатые края дороги, сообразил, что это не камень, а нечто другое, но спросить у Чебота или у кого-либо не решился. Еще на смех поднимут. А когда оглянулся, то понял, что не один он озадачен: у Телепня и Дрюнделя были такие же изумленные лица, словно они двигались на лошадях по замерзшей реке, ежеминутно опасаясь провалиться. Один Чебот хранил каменную невозмутимость, чему оставалось только позавидовать. Вот каким должен быть настоящий атаман, а не такой, как я, вздохнул Костя и огорчился до невозможности.

Против обыкновения, на них никто не нападал и даже никто не окликнул. Туман в деревне был реже и не такой клокастый. А еще в деревне пахло дымом и свежеиспеченным хлебом. Все вспомнили, что давно не ели, Костя даже полез за пирожками, но так и застыл с рукой в кармане, потому что раздался топот и из ближайшего проулка показалось огромное, длинное животное, которое метнулось через улицы и пропало в другом проулке, который вел к речному затону. Еще больше изумил его подросток, появившийся следом и оглушительно шелкнувший пастушьим кнутом.

Косте показалось, что он увидел огромную и толстую змею, похожую на анаконду, о которой он как-то читал в энциклопедии. Чеботу привиделась не змея, а огромная гусеница, у нее было много-много ног. Дрюндель разобрал лишь

то, что у непонятной животины торчало не меньше десяти горбов. Телепень же вообще ничего не успел понять, потому что ехал последним и разглядел лишь хвост, смахивающий на длинную-длинную мочалку. Вот когда он по-настоящему пожалел, что не вернулся в деревню вместе с Мелким Бесом и Скелом, – оказывается, мир за мостом совсем не такой, как у них, а страшный и жуткий.

Лошади под седоками заволновались, взбрыкнули и едва не понесли.

– Спокойно! Спокойно! – прикрикнул Костя больше на лошадей, чем на сотоварищей. – Кто что видел?

– По-моему, это многоножка, – высказался Чебот, натягивая повод. – Святые угодники...

– Мне кажется, – просипел Дрюндель, – что это ужасное горбатое существо, но без ног.

– А я ничего не видел, – признался Телепень, побледнев, – кроме хвоста.

– Так, – сказал Костя, – будем считать, что мы ничего не видели. Доедем до церкви, а там спросим, что это было.

– Я-то видел, – проворчал чем-то недовольный Дрюндель, – а вот ты – не знаю.

– Ну рассуди сам, – сказал Костя, – за животным бежал пастух. Значит, что?..

– Что?.. – Пухлое лицо Дрюнделя ничего не выражало, кроме праздного любопытства.

– Что это или домашнее животное, или... – Костя не знал,

с чем сравнить.

– Или что? – спросил Телепень, который не мог ни о чем судить, потому что видел лишь хвост.

– Или дикое, но трусливое.

– Лучше – домашнее, – решил Чебот. – Так спокойнее думать, потому что тогда оно должно водиться и в реке.

– Точно! – поразился Костя. – Как я раньше не догадался.

– А я говорю, что это было длинное стадо! – заявил Дрюндель, яростно вращая головой и сверля Костю глубоко сидящими глазами.

Должно быть, ему очень хотелось оказаться единственным правым из всей компании.

– Может быть, змея, – добродушно согласился Костя. – Слишком быстро оно перемещается.

– Не-а... – упрямо возразил Дрюндель.

Так, споря и рассуждая, они незаметно для самих себя подъехали к Успенской церкви. Церковь показалась им высокой и огромной, не то что их – маленькая, приземистая, хотя и о трех главках. Эта церковь была некрашеной и от этого казалась черной и мрачной. Возле церкви из земли торчал старинный чугунный крест. Неожиданно на высокое крыльцо вышел пьяный батюшка, и они поняли, почему так странно звонил колокол: батюшка лыка не вязал.

– Антихристы! – Батюшка посмотрел на них бессмысленным взором, попытался их перекрестить, споткнулся и с грохотом упал за порог внутрь церкви.

Дрюндель хихикнул:

– Все как у нас. Как твой батя.

Чебот не обиделся. Ему было все равно, что его отец с утра по неделям пьян. Он только посмотрел на торчащие из-за порога сапоги и отвернулся.

– Куда они все делись? – спросил Костя, оглядываясь с облегчением. – Никак пропали? Даже собак не слышно. – Однако, заметив, что во дворе ближайшего дома сушится рыбацкая сеть-перестав, направился туда.

Глаз сразу выхватил, как всколыхнулись занавески на окнах соседних домов, а на другой стороне улицы в воротах внезапно появился человек, посмотрел на них из-под руки и так же внезапно исчез. Наблюдая, понял Костя. Остерегаются. А почему?

– Эй! Есть кто? Хозяева! – Он подъехал к забору и заглянул во двор.

Как и в любой северной деревне, забора как такового не существовало. Забором служило прясло – стволы сосен, положенные на столбы. Тем не менее это был двор, а во дворе, заросшем лебедой, под развесистой сиренью стоял верстак, на котором в тисках была зажата какая-то деталь, рядом валялись слесарные инструменты: ножовка, напильники, плоскогубцы и еще какая-то мелочевка, которую трудно было разглядеть.

– Никого, – сказал он подъехавшему Чеботу. – Ты головой-то крути, крути, пока я здесь разбираюсь, а то, не ровен

час, какой-нибудь псих пальнет в спину.

– Ага, – сообразил Чебот и отъехал в сторону.

Зато возник квадратный, как шкаф, Телепень:

– Ну что здесь?

– Сейчас контакты наладим. Ты только не светись, а то с твоей мордой нас за бандитов примут.

– Да ладно тебе, – огрызнулся Телепень.

– Эй, хозяин? Есть кто-нибудь? Так я войду? – крикнул Костя.

– Есть, есть. – На крыльце, прихрамывая, возник крепкий мужик в синей майке, спортивных штанах с вытянутыми колленками и в галошах на босу ногу. Не старый и не молодой, только с редкими волосами, а еще к тому же и колченогий. Правая нога у него была выгнута наружу, как древко лука. – Чего надо-то? – спросил он неприветливо, одним взглядом определив, что Костя вооружен.

– Водичка есть?

– Вон колодец, – махнул рукой мужик.

Костя спрыгнул с лошади и, разминая затекшие ноги, вошел во двор. Набрал полведра воды, демонстративно поворачиваясь к мужику спиной, и напился.

– Хорошая у вас вода, – заметил он, искоса поглядывая на хозяина дома.

– Не жалуемся, – ответил мужик, глядя на него изучающе. – А ты откуда будешь?

– Из леса, – на всякий случай соврал Костя. – В Лоухи

едем.

– Так Лоухи же в другой стороне.

– Заблудились.

– А-а-а... то-то я чую, от тебя самогоном несет.

– Было малость, – улыбнулся Костя. – Сейчас правильный путь наметим и поедем дальше. Только я хотел узнать...

Мужик заулыбался – не зло, но и не заискивающе, как-то неопределенно. Не умел еще Костя ладить со взрослыми, вечно они ему казались непонятными и хитрыми.

– Чего?

– В деревне чужих нет?

– Кроме вас разве что, – усмехнулся мужик.

Разглядел, что я пацан, понял Костя, вот и обнаглел. Он поправил на животе кобуру с пистолетом, чтобы мужик не очень-то зубоскалил и знал свое место.

– И все-таки? – Он поставил на сруб колодца ведро. – Должны быть чужие, мы за ними идем от самого Теленгеша. Они там людей убили, – Костя решил надавить на сознательность чуповца.

Пусть знает, что они способны на кое-что серьезное, хотя и молодые.

– Так бы сразу и сказал, что вы теленгеры. Правда, на теленгера ты меньше всего похож.

– Не похож, ну и что? Так есть или нет? – спросил Костя, откидывая с глаз тяжелый белый чуб и давая понять, что не намерен обсуждать эту тему.

– Теленгеры все черные или рыжие, а ты белый.

– Я Приеммыш, – терпеливо объяснил Костя.

– А-а-а... слышал о таком, – удовлетворенно произнес мужик. – Это тебя на полустанке Бобровый нашли?

– Меня... – Костя от изумления даже не успел обрадоваться. – А откуда вы знаете?

Он сдал свои позиции моментально, без всякого сопротивления, хотя не привык доверять чужакам. «Но ведь этот чужак что-то знает о родителях!» – молниеносно пронеслось у него в голове.

– Земля слухами полна, – таинственно откликнулся мужик и дружески улыбнулся.

Костя моментально проникся к нему симпатией, однако какое-то шестое чувство заставило его подхватить «плазматрон» и сделать быстрый шаг за сруб колодца. На крыльцо выскочил, судя по всему, сын мужика. В руках у него был охотничий карабин с коротким стволом.

– А ну! – Он вскинул его и прицелился в Костю.

– Вы что, с дуба рухнули? – спросил Костя, не шевелясь.

Не то чтобы он испугался, но и провоцировать никого не хотел. Ведь до этого все шло мирно. Да и чувство у него было такое, что парень не выстрелит.

– Продырявлю башку к едрене-фене! – пригрозил сын мужика.

– Ты что, псих? – осведомился Костя.

– Сейчас узнаем, кто псих!

– Ладно, хватит, Семен! – примирительно сказал мужик, однако, многозначительно глянув на Костю: мол, вот какие у нас аргументы имеются! – Постреляете с дури друг друга. Там еще трое за забором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.